

DOI: 10.53737/9236.2023.89.62.027

И.Ю. Шауб

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА ДИОНИСА У ЭЛЛИНОВ И ВАРВАРОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ*

Специфика северопонтийского дионисийства рассматривается как обусловленная фракийскими влияниями: в Ольвии о них прежде всего свидетельствуют орфические таблички, на Боспоре — исключительная популярность в местной нумизматике заимствованных из Фракии изображений сатиров, культ Диониса Арея, а также необычный образ хтонического Диониса на погребальных пеликах. На Боспоре и в Херсонесе к кругу этого бога относился родственный ему фрако-фригийский бог Сабазий. Сочетание на монетах Пантикапея образов сатиров на аверсе с аполлиническим грифоном на реверсе позволяет предполагать синкретизм Диониса и Аполлона в религии боспорян, причём в контексте орфических верований. На Боспоре с дионисийским кругом ассоциируется не только целый ряд богов, культово близких Дионису и в других областях греческого мира (Деметра, Кора, Геракл, Афродита, Эрот), но и далёких от него мифологических персонажей (Парис, Европа и др.). Находки в курганах скифской и синдской знати разнообразных вещей, часто культового назначения, с изображениями персонажей дионисийского круга свидетельствуют о близости последних религиозно-мифологическим представлениям варваров. К этому кругу относится и фигурирующий на ряде памятников мужской двойник змееногой ипостаси Великой богини («Владыка зверей»), который, как и другие дионисийские персонажи, мыслился как подчиненное ей божество.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, эллины, варвары, религия, культ, Дионис, Сабазий, сатиры, менады, «Владыка зверей», Великая богиня, орфизм, Фракия, Ольвия, Боспор, Херсонес.

Сведения об авторе: Шауб Игорь Юрьевич, доктор исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН.

Контактная информация: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18А, Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: schaubigor@mail.ru.

I.Yu. Schaub

SOME FEATURES OF THE CULT OF DIONYSUS AMONG THE HELLENES AND BARBARIANS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION

The article is devoted to the peculiarities of the cult of Dionysus in the Greek colonies of the Northern Black Sea region, as well as the specificities of Dionysianism among local barbarians. These features were largely due to Thracian influences: in Olbia, they are primarily evidenced by Orphic tablets, in the Bosphorus — the exceptional popularity in local numismatics of images of satyrs borrowed from Thrace, the cult of Dionysus Ares, as well as the unusual image of the chthonic Dionysus on funeral pelices. Both in the Bosphorus and in Chersonesus, the Thracian god Sabazios, who was close to Dionysus in function, belonged to the circle of this god. On the coins of Panticapaeum, the combination of images of satyrs on the obverse with an Apollinian griffin on the reverse enables suggestion of the fusion of Dionysus and Apollo in the context of Orphic beliefs as well as in the religion of the Bosphorans. In the Bosphorus, the Dionysian circle is associated not only with a number of gods close to the cult of Dionysus in other areas of the Greek world (Demeter, Kore, Heracles, Aphrodite, and Eros), but also mythological characters not associated with him (Paris, Europa, etc.). Finds in the burial mounds of the Scythian and Sindian

* Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

Статья поступила в номер 18 июня 2023 г.

Принята к печати 27 июня 2023 г.

nobility of various cult-related artifacts, often with images of characters of the Dionysian circle, indicate the closeness of the latter to the religious and mythological ideas of the barbarians. This circle also includes the male counterpart of the snake-footed hypostasis of the Great Goddess ('Master of Beasts'), which appears on several monuments and which, like other Dionysian characters, was thought of as a subordinate deity to her.

Key words: North Pontic area, Greeks, barbarians, religion, cult, Dionysus, Sabazios, satyrs, maenads, 'Master of Beasts', Great Goddess, Orphism, Thrace, Olbia, Bosphorus, Chersonesus.

About the author: Schaub Igor Yurievich, Dr. habil. (History), Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 191186, Russia, Saint Petersburg, Embankment, 18A, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; e-mail: schaubigor@mail.ru.

Дионис, без сомнения, был самым популярным богом греческого мира. Поэтому неудивительно, что и ему, и его фиасу¹ посвящена не просто огромная, а практически необозримая литература. Однако, несмотря на такое изобилие работ, глубоко иррациональная природа этого бога такова, что не только постигнуть её, но даже охватить внутренним взором все нюансы его образа и культа не представляется возможным².

Могучий импульс к изучению дионисийства дал трактат «Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» («Происхождение трагедии из духа музыки») Ф. Ницше — кумира интеллектуальной элиты европейского модерна. Для отечественной культуры изучение Диониса представляет особый интерес, учитывая два фактора: исключительное внимание, которое уделял этому богу пленённый дионисийскими идеями Ницше В.И. Иванов — ключевая фигура интеллектуальной жизни Серебряного века, перу которого принадлежат наиболее масштабные и глубокие на русском языке исследования дионисизма (Иванов 1994 (1923); 2014 (1917))³, а главное, — мощный «дионисийский» пласт в психологии русского этноса, нашедший яркое воплощение в религиозном сектантстве (хлыстовстве и т.п.) (Эткинд 1998).

Вполне естественно, что многие памятники культа Диониса в Северном Причерноморье (которых, кстати, несравненно меньше, чем в Греции или Италии), более или менее подробно анализировались с самых разных сторон (Русяева 1978; 1979; 1992; 2005а; 2005б; Шауб 1987а; 1989; 1999б; 2007а; 2008б; 2011; 2014; 2019а; Русяева 1995; Винокуров 2002; Молева 2003; Кузина 2005; 2007а; 2007б; 2008; 2011, 2013; Скржинская 2009; Хамула 2009; 2013 и др.). Однако, несмотря на это, целый ряд вопросов, относящихся к дионисийству в Северном Причерноморье, остаётся дискуссионным, не говоря уже о разногласиях по поводу интерпретации многих культовых памятников. Главными из этих вопросов являются особенности культа Диониса в греческих колониях Северного Причерноморья, а также специфика дионисийства у причерноморских варваров. Именно эти спорные вопросы и рассматриваются в настоящей статье.

Самые ранние и наиболее оригинальные памятники культа Диониса в греческих государствах Северного Причерноморья происходят из Ольвии.

Это посвящения Дионису общиной орфиков, вырезанные в V в. до н.э. на костяных пластинках (см.: Русяева 1978). На одной из них в верхней части вырезаны слова: «βίος θάνατος βίος», чуть ниже: «ἀλῆθεια», а в нижней части: «Διὸ орфику» (т.е. Διό[νυσος] ὀρφικοί или Διό[νυσω] ὀρφικοί). М. Уэст обоснованно считает, что эти слова подразумевают веру в жизнь после смерти (West 1982: 18).

На оборотной стороне третьей пластинки перед словом «ψυχή» читается слово «σῶμα» — и, таким образом, мы имеем здесь оппозицию тела и души, о которой говорит Платон (Crat., 400c) в том же самом месте «Кратила», где речь идет об орфическом

¹ Преимущественно сатирам — образам, самым распространённым в аттической вазописи.

² Об универсализме дионисийства, см., например: (Кереньи 2007).

³ Остаётся только пожалеть, что сюжет дионисийства в Причерноморье оказался вне поля зрения В.И. Иванова.

метемпсихозе. Данные граффити «серьезно укрепляют позицию исследователей, продолжавших, несмотря на возражения, среди которых были и весьма серьезные, отстаивать историческую реальность орфизма как религиозного движения, а не как конгломерата не связанных между собою явлений» (Жмудь 1992: 110)

По словам Л. Я. Жмудя, «эти граффити подтвердили то, что можно было предполагать и раньше: фигура мифического царя Орфея действительно связана с Аполлоном, но важнейшим культовым божеством орфизма был тем не менее Дионис» (Жмудь 1992: 100). Дополнительные данные о характере орфического Диониса в Ольвии дают рисунки, сопровождающие посвящения Дионису. Корабль фиксирует связь этого бога с морем, а лошадь — либо (впрочем, как и корабль) с загробным миром, либо с Дионисом Загреем (поскольку конь был одним из его превращений) (Русяева 1979: 79). Свидетельства о связи Диониса с загробным миром есть на протяжении всего существования этого культа в Ольвии; в поздний период — это терракотовые фигурные сосуды, предназначенные для погребальных целей (Русяева 1992: 98—99).

Скорее всего, орфизм проникает в Ольвию не в V в. до н.э. из Афин (Русяева 1992: 97), а еще в VI в. до н.э. из Милета (Penkova 2003: 606 sq.), причём явно на хорошо подготовленную почву. Об этом наглядно свидетельствует существование уже в первой половине V в. до н.э. официального культа Вакха, адептом которого стал скифский царь Скил (Hdt., IV, 79).

Косвенным свидетельством существования орфизма в северопонтийском регионе ещё ранее является бронзовое зеркало, найденное в позднеархаическом погребении Ольвии (Розанова 1968). Следует особо отметить, что это зеркало, на котором зафиксировано древнейшее из известных вакхическое восклицание (Burkert 2004: 84), является изделием местного производства, причём украшено оно в зверином стиле, характерном для варваров (Скржинская 1984: 117, № 37).

В связи с культом Диониса в Ольвии стоит вспомнить сообщение Геродота (IV, 108) о том, что гелоны (жители города Гелона в земле будинов, по происхождению эллины, некогда выселившиеся из эмпориев) в честь этого бога «каждые 2 года устраивают празднества с оргиями». Что же касается происхождения этого ольвийского культа, то вполне вероятно, что почитание Вакха могло быть принесено сюда первыми колонистами из Милета (Ehrhardt 1983: 169), который, как известно, был основан минойцами. Но в то же время можно предполагать, что расцвет этого культа как в Нижнем Побужье, так и во всём Северном Причерноморье, был обусловлен существованием у местных племен схожих экстатических культов шаманистического толка⁴.

Возвращаясь к ольвийским орфикам, можно предположить, что их община существовала именно здесь отнюдь не случайно, ведь совсем неподалеку обитали геты, которые, по словам Геродота (Hdt., V, 4) и Арриана (Arr. Anab., I, 3, 2), «верили в бессмертие» (*ἀθάνατιζόντες*, буквально «бессмертствующие») (Hdt., IV, 97). Судя по находкам лепной керамики, геты жили и в архаической Ольвии (Марченко 1988). В этой связи приходит на память свидетельство Вергилия (Vicol., IV, 517—520) о том, что сам Орфей (alter ego Диониса Загрея: Wright 2003: 179), «посещал гиперборейские льды, и спешный Танаис, и поля, никогда не освобождающиеся от Рифейских инеев, жалуясь на похищение Эвридики и тщетные дары Дита (Плутона)».

Кроме уже упомянутого сообщения Геродота о вакхических празднествах в Ольвии, о существовании здесь официального культа Диониса свидетельствуют монеты конца V — начала IV в. до н.э., на аверсе которых представлен букраний, на реверсе — тирс в окружении букв ОΛΒΙ (или ОΛ), что говорит о государственном характере чеканки этих монет (Карышковский 1988: 53; Анохин 1989: 22), а также упоминание жреца Диониса в надписи первой половины IV в. до н.э. (IOSPE I²: №166). О государственном характере культа Диониса в Ольвии свидетельствует и фиксируемая надписями IV—III вв. до н.э. связь этого бога с театром (Русяева 1979: 82).

⁴ О скифском шаманизме см.: (Шауб 2007а: 146—153; 2011: 123—132).

Кроме вышеперечисленных, существует еще целый ряд данных о популярности Диониса в Ольвии (Русяева 1979: 83 след.; 1992: 87—99). Это и граффити с именем этого бога на обломках киликов и канфаров, и изображения бога и его спутников как в терракоте, так и в мраморной пластике, и многочисленные теофорные имена (свыше 45), образованные от имени этого бога или от названий его праздников (Русяева 1992: 99).

В связи с дионисийской символикой особое внимание привлекают к себе ольвийские свинцовые букрании. Сочетание изображений букрания и тирса на упомянутых выше ольвийских монетах с уверенностью позволяет предполагать связь букрания с Дионисом. Считается, что изготавливавшиеся в IV в. до н.э. в Ольвии терракотовые статуэтки бычков (Леви 1964: 170, рис. 41: 1), найденные в основном при исследовании теменоса⁵, служили вотивами этому же богу (Русяева 1979: 89). При этом культовый комплекс (яма), где обломок торса женской статуэтки V в. до н.э. был перекрыт десятью бычьими рогами, «уложенными наподобие венца» (Леви 1956: 66, рис. 25), наглядно демонстрирует тот факт, что в религиозных представлениях ольвиополитов бык мог сочетаться и с женским началом. О том, что подобная ассоциация женского божества с быком была характерна для верований не только ольвиополитов, но и боспорян, свидетельствуют изображения Европы на быке (Шауб 2000), а также золотые серьги в виде головы богини (в роскошной диадеме), шею которой украшает подвеска в виде бычьей головы (см.: АВС: 48, табл. VII: 11; Калашник 2014: 94—95) (рис. 12)⁶. Кроме этих серёг в одном из боспорских курганов была найдена золотая коробочка в виде головы быка с дионисийской символикой — плющевой повязкой (Калашник 2014: 92—93). О прочих изображениях быков на Боспоре и их связях с Дионисом см. ниже.

С IV в. до н.э. в Ольвии начинается производство свинцовых букраниев и двулезвийных секир (лабрисов), которые также связаны с хтоническим культом Диониса (рис. 1). Наличие среди этих культовых предметов лабрисов, которые отливали и вместе с букраниями, и отдельно, свидетельствует о более сложном комплексе связанных с ними религиозных идей. Вероятно, здесь мы имеем дело с воскрешением древних представлений, характерных для религии минойского Крита, где лабрис был не только одним из главных символов могущества Великой богини, но и одним из ее воплощений, а букраний (или бычьих рога) — символом ее умирающего и воскресающего спутника, почитавшегося в виде быка; таким образом, лабрис над букранием символизировал власть Великой богини над богом-быком (рис. 2, 3). В подобных изображениях «ясно просматривается одна из исходных мифологем древнейших религий Европы, Средиземноморья и Передней Азии, соединившая в нерасторжимом, хотя и внутренне противоречивом единстве женское и мужское начало, воплощенные в образах Великой богини земного плодородия и божественного быка, считавшегося ее сыном и в то же время возлюбленным и супругом» (Андреев 2002: 394—395). Столь характерная для минойской культуры теснейшая связь верховного женского божества с быком как воплощением оплодотворяющего мужского начала восходит еще к неолитическому Чатал-Хююку. Тот факт, что на трипольском костяном культовом предмете в виде головы быка изображена сама богиня, свидетельствует о продолжении или воскрешении в ольвийских культовых предметах древней северопричерноморской традиции (рис. 4). Все упомянутые выше изображения являются еще одним наглядным свидетельством того, что в Северном Причерноморье (причем не только в греческой, но и в варварской среде) была хорошо известна тесная связь между Дионисом и Великой богиней (Шауб 2008в)⁷.

⁵ Кроме того, при раскопках теменоса было найдено большое количество бычьих черепов, срезанных сзади, благодаря чему их можно было подвешивать. Некоторые из этих черепов имеют специальные просверленные круглые отверстия, служившие для крепления в них украшений (розеток, лент и т.п.). Е.И. Леви считает, что это черепа жертвенных быков, висевшие на стенах храмов (Леви 1964: 140).

⁶ Вероятно, не случайно аналогичная серьга присутствовала среди находок в кургане Гайманова Могила (Ганіна 1974: рис. 57).

⁷ На Боспоре об этой связи свидетельствует целый ряд разнообразных сюжетов керченских ваз; см., например: Шталь 1996: 37.

Очень показательным представляется тот факт, что промежуточным звеном между культовыми памятниками минойского Крита и ольвийскими свинцовыми предметами являются схожие свинцовые вотивы из архаических святилищ Артемиды Ортии в Спарте (Wace 1929). Как известно, до конца античного периода эта богиня сохраняла характернейшие черты своего минойского прототипа.

Возможно, на примере ольвийских букраниев и лабрисов мы имеем подтверждение глубокомысленной идеи В.И. Иванова о том, что «прадионисийские культы искали синкретической формы, объединяющей обе религии — олимпийскую и хтоническую» (Иванов 1994: 71).

В связи с культом Диониса в Ольвии чрезвычайный интерес представляет уже упомянутое сообщение Геродота о Скиле (Hdt., IV, 78—80).

Геродот приводит этот рассказ, равно как и сообщение о скифском мудреце Анахарсисе, в качестве наглядной иллюстрации к своему утверждению, что скифы «старательно избегают пользоваться обычаями чужих народов и более всего эллинскими» (Hdt., IV, 76), еще раз повторяя (Hdt., IV, 77—78), что и Анахарсис, и Скил были убиты за пристрастие к чужеземным обычаям и за общение с греками.

Однако, утверждение Геродота о подозрительном отношении скифов к божеству, заставляющему людей безумствовать, странным образом расходится с тем, что он сам рассказывает о культе Диониса у родственных скифам гелонов, а также о скифской бане (Hdt., IV, 108)⁸, не говоря уже о вошедшей в поговорку склонности скифов к злоупотреблению дарами этого бога и разнообразных археологических свидетельствах распространения его культа в Скифии.

Т.М. Кузнецова не без основания предположила, что мать брата Скила Октамасада, фракиянка, могла воспитать своего сына во фракийско-дионисийском духе, подобно истриянке, матери Скила, и, таким образом, братоубийца мог быть если не адептом, то весьма терпимым к экстатическим обрядам Дионисова культа (Кузнецова 1984: 14).

О существовании в Ольвии значительной организации почитателей Диониса свидетельствуют не только эпиграфические документы, но и Геродот (Hdt., IV, 79), рассказавший о посвящении скифского царя Скила в вакхические таинства. А.С. Русяева полагает, что «именно в данном фиасе появились орфические учения, известные по граффити на костяных пластинках (Русяева 1978; 1979). Исходя из того, что на них прочерчено и имя Диониса, орфики входили в вакхический союз или же были тесно связаны с ним» (Русяева 1992: 198).

К вышеупомянутому нужно добавить, что к дионисийскому кругу относится подавляющее большинство сюжетов росписи ваз и представленных на них символов (плющевого орнамента и т.п.) из ольвийского позднеархаического некрополя. В погребальном контексте они явно ассоциировались с дионисийскими представлениями о смерти (прежде всего, как о пребывании в дионисийском парадизе). На целом ряде этих ваз наряду с прочими дионисийскими мотивами присутствуют изображения дельфинов⁹. Можно предполагать, что эти животные, так же как представленные на вазах пальметки, плющ, и лотос, воспринимались ольвиополитами не только в качестве символов умирающего и воскресающего Диониса, но и ощущались живыми знаками Великой богини, владычицы всего сущего (Шауб 2011: 203—204).

Что касается Диониса на Боспоре, то свидетельства его культа здесь до эпохи Спартокидов немногочисленны¹⁰. Данные, относящиеся к IV в. до н.э. позволяют утверждать, что в это время Дионис стал здесь одним из самых популярных богов. Об этом говорят и монеты, и надписи, и граффити, и остатки его храма в Пантикапее (Ильина, Муратова 2002) и свидетельство Полиэна (Polyaen., V, 44) о существовании не только в столице, но и в других крупнейших городах Боспора

⁸ То есть об экстатическом шаманском ритуале (Meuli 1935: 122 ff.).

⁹ Вероятно, с Дионисом, а не с Аполлоном Дельфинием были связаны самые распространённые в V—IV вв. до н.э. ольвийские денежные знаки в виде дельфинов.

¹⁰ Значение недавно опубликованного пантикапейского граффито начала V в. до н.э. в качестве памятника культа Диониса его издатель, Ф.В. Шелов-Коведяев, на наш взгляд, преувеличивает (Шелов-Коведяев 2018).

театров, которые в весьма архаичных народных верованиях боспорян IV в. до н.э. не утратили своей исконной тесной связи с культом Диониса и почитанием умерших. Именно хтонизм — чрезвычайно тесная связь с погребальным культом и загробными верованиями боспорян¹¹, является отличительной особенностью почитания Диониса на Боспоре. Об этом наглядно свидетельствуют сюжеты росписи погребальных «боспорских пелик» и других ваз «керченского стиля»¹².

По наблюдению К. Шефольда, пелики с изображением Диониса на грифоне, преследующего девушку, происходят только из женских могил; в мужских погребениях встречаются пелики, на которых представлена борьба грифонов с аримаспами, которых этот швейцарский искусствовед считает слугами Диониса, а их поражение в борьбе с грифонами — символом пути через смерть к бессмертию (Schefold 1960: 94). Если Шефольд прав, то символика этого сюжета оказывается близка к значению столь популярных в греко-скифском искусстве сцен терзания грифонами животных.

На одной пелике хтонический Дионис представлен в виде бородатой головы во фригийском колпаке между протомами грифона и лошади (Schefold 1934: Abb. 60), таким образом выступая в качестве дублета Великой богини в ее загробном аспекте.

Не менее наглядно связь дионисийства с «загробьем» боспорян выражается в том, что самым частым мифологическим сюжетом росписи специально помещавшихся в могилы «керченских ваз» является изображение Диониса и его фиаса. Так, Дионис в окружении сатиров и менад представлен на многочисленных пеликах и колоколовидных кратерах. Наряду с сатирами вместе с Дионисом фигурирует и его супруга Ариадна¹³ (которая нередко имеет черты менады) (Schefold 1934: № 84, 366, 414)¹⁴.

На вазах керченского стиля вместе с хтоническим Дионисом часто представлена родственная ему хтоническая Афродита: их фиасы соседствуют на одних и тех же изображениях, причём в дионисийских сценах почти постоянно присутствует Эрот (Шталь 1989: 113).

Только по изображениям на керченских вазах известен сюжет преследования женщин Дионисом на пантере или грифоне, а также сюжеты, где в роли преследователей женщин выступает Эрот или персонажи в восточных костюмах. Эти сюжеты возникли в результате соединения народных верований с «отзвуками» сюжетов, «сравнительно поздно освоенных античной мифологией и еще новых для античного древнегреческого эпоса, созданного по мотивам «варварского»» (Шталь 1989: 131). И.В. Шталь отмечает, что подобные «мифоэпические предания, прежде чем выйти на плоскость живописного изображения, прошли сравнительное осмысление в пределах дионисийско-орфического круга верований» (Шталь 1989: 131). (Так в дионисийско-орфическом кругу оказался «средством передвижения» Диониса грифон, который, как и Дионис, был в Греции «пришельцем».

Рассмотрев сюжетную роль Эрота в росписи керченских ваз, та же исследовательница пришла к выводу, что в своем значении «он вышел за пределы как афродионисийского, так и дионисийского фиасов; в какой-то момент Дионис и Эрот, восседающий на пантере, оказались внутренне сближенными, едва ли не идентичными по своей семантике <...>» (Шталь 1989: 133—134).

Как уже упоминалось выше, в росписи керченских ваз женщин преследуют также люди (пешком или верхом) в восточных костюмах. Этим персонажей К. Шефольд считает слугами Господина подземного мира, выполняющими его волю (Schefold 1934: 149). Соглашаясь с мнением Шефольда, Шталь задаётся вопросом: «Кем был изначально восточный человек, занявший место Диониса на грифоне и тем сравнившийся с божеством, представший как бы

¹¹Об этих верованиях см.: (Шауб 2014; 2020).

¹²Дионисийский характер этих сюжетов вынуждены признать даже те искусствоведы, которые не склонны видеть в них глубокой семантики; см., например: (Ягги, Лазенкова 2012: 36).

¹³Аналогичный сюжет представлен также и на полихромной ойнохое из Пантикапея (ABC: Tabl. 60).

¹⁴Если на Боспоре Дионис и Ариадна изображались на погребальных пеликах, что говорит о загробных коннотациях сюжета, то в Ольвии эта пара фигурирует на терракотах, происходящих из раскопок городища (Леви 1959: 16; Русева 1976: 36—42).

его ипостасью?» Сам ли это Дионис в необычной иконографии, «быть может, испытавшей на себе традиции Фракии и Боспора? Но если это и не Дионис, то восточный всадник близок к Дионису. Из всего этого явствует пока только одно: некогда человек в восточном костюме, преследующий женщин в подземном мире, был Хозяином подземного мира и потому сохранил в нем определенное независимое положение, выше положения сатиров и менад и в отстранении от них» (Шталь 1989: 136). Очень вероятно, что не только на погребальных вазах IV в. до н.э., но в популярных в первые века н.э. в росписи боспорских гробниц сценах похищения Кору (Зинько 2007) в роли Плутона выступал Дионис¹⁵.

На основе анализа 11 пелик керченского стиля, фрагмента аттического фигурного сосуда работы мастера Сотата (вторая четверть V в. до н.э.) из Пантикапея, а также росписи пантикапейского склепа Пигмеев (II—I вв. до н.э.) И.В. Шталь доказала связь с дионисийством сакральной семантики ещё одного сюжета — борьбы пигмеев с журавлями (Шталь 1989: 83—84).

На оборотной стороне почти всех боспорских пелик помещались обращенные лицом к друг другу фигуры в гиматиях (обычно 2, реже 3), которые часто держат тимпан — знак дионисийства (Шталь 1989: 158). Поскольку речь идет о важных предметах погребального инвентаря, то «явление можно понять, если представить, что сюжет вбирал в себя и концентрировал в себе квинтэссенцию, суть сакральной погребальной символики дионисийско-орфического круга верований, был его знаком в донельзя обобщенном, абстрагированном варианте. Ни с каким другим отдельно взятым сюжетом этот сюжет, действительно, не был связан, но только потому, что был разом связан со всеми сюжетами росписи керченских vaz» (Шталь 1989: 157).

Таким образом, можно констатировать ассоциацию пелик с дионисийством, поскольку даже в тех случаях, когда сюжет росписи лицевой стороны этих погребальных сосудов непосредственно не связан с культом Диониса, она просматривается на изображениях, представленных на их оборотной стороне¹⁶.

Кроме пелик и других vaz керченского стиля о важной роли, которую играли дионисийские сюжеты в заупокойном культе обитателей Боспора, наглядно свидетельствуют гипсовые аппликации деревянных саркофагов первых веков н.э. в виде театральных масок, менад, Силены, Пана, играющего на сиринге; см.: (Жижина 2007: 15, 25).

Характерной особенностью культа Диониса на Боспоре является ассоциация с дионисийским кругом целого ряда персонажей, причём не только обычно близких Дионису богов (Деметра, Кора, Геракл, Афродита, Эрот), но и, казалось бы, весьма далёких от него мифологических персонажей (Парис, Европа) (Шауб 1993; 2000), а также сюжетов (борьба пигмеев и журавлей) (Шталь 1989).

На связь сюжета Европы с дионисийской сферой может служить намеком присутствие на всех многочисленных рыбных блюдах, которые были использованы в тризнах, обнаруженных в кургане Большая Близница, наряду с Европой изображений Эротов с тимпанами. Культ хтонического Диониса нашел яркое отражение и в других изображениях на предметах, найденных в том же кургане (Alexandrescu 1966: 81; Шауб 1987б: 30, 31).

Важнейшим свидетельством распространения дионисийского культа на Боспоре является тот факт, что с начала IV и вплоть до середины III в. до н.э. на аверсе пантикапейских монет неизменно фигурировали головы бородатых силенов и безбородых сатиров. Аналогичные изображения бытовали также и в боспорской нумизматике более позднего времени — это пантикапейские и фанагорийские монеты конца II в. до н.э. (Терещенко 2012; Шауб, Терещенко 2021: 71 след., рис. 1: 1—37).

¹⁵ О синкретизме Диониса и Плутона см.: в Греции (Schauenburg 1953; в Южной Италии (Burkert 2004: 84), у фракийцев (Маразов 1992: 225).

¹⁶ Например, дионисийская сцена изображена на оборотной стороне пелики из склепа I кургана Большая Близница (где была погребена жрица Великого местного женского божества), на которой представлена битва Геракла с кентавром (так же как и на обороте пелики с аналогичным сюжетом, найденной в кургане в городском саду Керчи).

Сочетание образов сатиров на аверсе с аполлиническим грифоном на реверсе монет Пантикапея позволяет предполагать синкретизм Диониса и Аполлона в религии боспорян (Шауб 1989), причём, возможно, в контексте орфизма, поскольку звеном для связи этих богов выступал Орфей (Лебедев 1986). Это тем более вероятно, учитывая то, что фракийский Дионис — Орфей имел «огненно-соляную природу» (Маразов 1992: 186 след.)

По мнению М.И. Ростовцева, сатиropодобные персонажи боспорских монет являются изображениями «местного, возможно фракийского, божества, великого бога растительности, который стал греческим Дионисом и который иногда фигурирует в виде бородатого силена на монетах греко-фракийских городов» (Rostovtzeff 1922: 80)¹⁷.

Что касается типов голов сатиров и силенов, представленных на пантикапейских монетах, то их иконография, несомненно, пришла из Фракии, причем явно вместе с дионисийской семантикой. Об этом свидетельствуют найденные во фракийских курганах драгоценные предметы дионисийского культа (серебряные канфары), украшенные с внутренней стороны позолоченными атташами в виде совершенно аналогичных голов (Фракийское золото 2013: 224, 236, 298) (рис. 5: 1—3). Нет сомнений в том, что золочение этих изображений подчеркивает и даже повышает их семантическую значимость. Хронологически эти культовые артефакты предшествуют пантикапейским монетам с изображениями спутников Диониса (Фракийское золото 2013: 224, 236, 298). Кроме того, параллелизм двух аспектов божества, представленного на монетах Пантикапея: бородатого пожилого и юного безбородого, — черта, свойственная культу диморфного бога Диониса — является, на наш взгляд, ещё одним аргументом в пользу предположения М.И. Ростовцева (Шауб 2019а; Шауб, Терещенко 2021)¹⁸.

О хтоническом характере этого сатиropодобного божества свидетельствуют два факта. Во-первых, популярность его изображений на золотых бляшках от погребальных одежд жителей как Боспора, так и скифов, погребенных в приднепровских курганах. Во-вторых, связь этого божества со змееной богиней — местным Великим женским божеством в его хтоническом аспекте (Шауб 1999; 2007а; 2011). Эта ассоциация фиксируется не только изображениями на бляшках, где змееногая крылатая богиня держит в руках голову сатира (курганы Куль-Оба и ст. Ивановской на Таманском полуострове) (рис. 6: а, 7)¹⁹, но и сочетанием образов Горгоны Медузы (змееволосой ипостаси Великой богини; см.: Шауб 2021а) и сатиropодобного божества на золотой фиале из Куль-Обы (рис. 8)²⁰. Совместные находки бляшек с изображением обоих этих персонажей зафиксированы также в погребениях № 3 и № 4 кургана Большая Близница, причём у нас нет сомнений в том, что в последнем из них, равно как и в гробнице № 1, упокоились местные эллинизированные жрицы Великой богини (Шауб 2017). В погребении № 4 голова, совершенно аналогичная изображению на бляшках, представлена и на ожерелье, причём она является здесь частью некоей «космограммы» (Шауб 2015).

О том, что наряду со служением Великой богине жрица, похороненная в гробнице № 4, была привержена также культу Диониса, свидетельствует тот факт, что к её калафу,

¹⁷ Эта гипотеза М.И. Ростовцева вызвала возражение Д.Б. Шелова, который утверждал, что головы пантикапейских монет связаны «с другими местными культами, происхождение и распространение которых еще недостаточно выяснены» (Шелов 1950: 64). С.С. Бессонова полагает, что сатиры и силены могли ассоциироваться со второстепенными персонажами скифской мифологии — демонами природы (Бессонова 1983: 95). Однако мнения обоих этих археологов по сути являются лишь модификацией ещё одного предположения М.И. Ростовцева, согласно которому «силены и сатиры на монетах Пантикапея представляют тех же самых местных божеств растительности и плодородия, которые ассоциируются с Великой богиней» на изделиях торевтики из причерноморских курганов (Rostovtzeff 1922: 73).

¹⁸ Популярное в XIX в. и все еще бытующее в работах западных антиковедов мнение, согласно которому на этих монетах Пантикапея представлен бог Пан, не выдерживает критики (Шауб 2019б: 249). Этот бог имел свою иконографию и был известен на Боспоре; см., например: (Ростовцев 1914: табл. XCVI: 1).

¹⁹ Представленные на бляшках изображения той же змееной богини в сопровождении аналогичных боспорским голов сатиров (рис. 6: д) украшали и калафы двух жриц, погребённых в херсонесском склепе № 1012 (Шауб 2023).

²⁰ Глубокий анализ семантики изображений на этом уникальном ритуальном предмете см.: (Маразов 2001).

центральным образом которого являлась сама Богиня²¹, были прикреплены золотые рельефные фигурки танцующих сатиров и менад в иступленном танце с тирсом или ножом и частью растерзанного животного в руках, а также менад (одна с канфаром в руке), едущих на грифоне и барсе (рис. 13). Однако, этот Дионис был отнюдь не «классическим», как считал румынский ученый П. Александреску (Alexandrescu 1966: 81 sv.), а местным, на чье присутствие намекали изображения его спутников и который мог являться в облике греческого сатира. Это предположение в значительной мере опирается на то, что подобные же менады, но в более варваризованном виде, служили главным украшением калафообразных головных уборов скифских жриц, погребенных в курганах Приднепровья, а именно — в Деевом и Рыжановском (Ростовцев, Степанов 1917: табл. VI, IX). Судя по тому, что менады на скифских калафах неоднократно представлены в экстатической пляске с ножом в одной руке и частью жертвенного животного в другой (рис. 14), их ритуал носил дионисийски-оргастический характер. Отличительной чертой дионисийских культов, как известно, был экстаз — выход из себя и слияние с божеством, а также интуиция единства бога и жертвы (Иванов 1994: 26)²². О том же могут свидетельствовать и находки в курганах Приднепровья изображений бородатых сатиров (Ростовцев 1925: 443, 444). Вероятно, с этими персонажами как-то связано глухое сообщение Геродота об обитавших в Скифии козлоногих существах (Hdt., IV, 25).

Как уже отмечалось, Дионис на Боспоре часто изображался в виде быка. Здесь нередко встречаются терракотовые фигурки этих животных. Важно отметить, что одна из них была обнаружена в пифосе винохранилища, входящего в винодельческий комплекс городища Артезиан первой половины III в. н.э. (Винокуров 2002: 34). Н.И. Винокуров справедливо констатирует, что связь этого «изображения быка и хозяйственного профиля комплекса очевидна». По данным того же археолога, другая статуэтка быка была обнаружена в составе позднеантичного ритуального комплекса городища Белинское, куда кроме того входили несколько десятков моделей миниатюрных давилен из известняка, большое количество других votivных предметов, в том числе статуэтка козла или оленя. Рядом с этим комплексом найдено посвящение Дионису, написанное краской на горле амфоры (Винокуров 2002: 34).

Особо следует отметить, что в IV в. до н.э. выпускались пантикапейские монеты с головой быка на реверсе и головой сатира на аверсе, а также золотые ювелирные изделия с символикой Диониса-быка, происходящие из боспорских курганов. Это уже упоминавшиеся выше ювелирные изделия в виде головок богинь, шею которых украшали бычьи головки, и золотая коробочка в виде головы быка с дионисийской символикой, а также пластина от головного убора жрицы, погребенной в кургане Карагодеуашх (Артамонов 1966: рис. 320). На этой пластине под изображением ритуальной сцены, центральной фигурой которой является Великая богиня, представлен фриз из чередующихся букраниев и горгонеев — символов Богини и её паредра²³ (рис. 9). Как и в Греции, в причерноморских городах букрании вырезались на фризах алтарей, постаментах и другой храмовой утвари, выступая в качестве дионисийских символов.

Уже неоднократно упомянутое в разных контекстах сообщение Геродота о посвящении скифского царя Скила в таинства Диониса-Вакха в Ольвии (Hdt., IV, 76—78) является уникальным, но красноречивым свидетельством приобщения варварской элиты к культу этого бога. Однако в этой новелле, кстати, построенной по модели дионисийского мифа (Шауб 2006), делается упор на противодействие скифов чужеземным обычаям. Рассказ Геродота явно расходится с реальностью, которая демонстрирует пристрастие варваров к вину, а, следовательно, и как минимум толерантному отношению к богу, чьим даром мыслился этот чудодейственный напиток.

²¹ Реконструкция этой композиции, принадлежит Ю.П. Калашнику, который, однако, по традиции видит в крылатой женской фигуре Нику (Калашник 2014: 178); в то время как мы считаем эту «Нику» одним из хтонических воплощений Великой богини.

²² В этом заключался, по характеристике В.Иванова, «страстной характер» Диониса.

²³ О букраниях и бычьих черепках в Ольвии см. выше.

«Безудержные попойки во время дионисийских праздников следует считать неотъемлемой стороной культа бога вина. Напиваясь, верующие полностью отдавали себя, свою волю, да и саму жизнь во власть божественных сил, дабы абсолютно уподобиться богу в веселье, буйстве, плотских утехах, безумству и неистовству. Чем больше человек освобождался от самого себя, от привычных норм и правил поведения, тем больше он переходил под божественное покровительство. Освобождаясь под влиянием дионисовой влаги от пут повседневности, человек «умирал» для жизни земной и приобщался к жизни «вечной», а вино при этом выступало как средство передвижения из мира реального в ирреальное пространство, ближе к божественному центру вселенной, — пишет Н.И. Винокуров, ведущий отечественный специалист по культу вина в Северном Причерноморье античной эпохи. В то же время вино могло транспортировать умерших в мир теней и духов, служа залогом новой жизни. Поэтому греки и многие другие народы с высокой культурой виноделия рассматривали употребление вина как особое ритуальное действие с глубокой мистической подоплекой» (Винокуров 2002: 38—39).

В связи с проблемой отношения варваров к культу Диониса тот же исследователь задаётся закономерным вопросом: считали ли они заимствованные у греков в почти неизменном виде образцы столовой и парадной посуды для питья вина всего лишь удобными сосудами для этой цели «или же признавали их также неотъемлемой частью божественного естества бога вина»? И полагает, что «какой-то сакральный подтекст в их использовании все же был» (Винокуров 2002: 38). В пользу этого предположения кроме аргументов, приведённых Н.И. Винокуровым, вероятно, говорит и тот факт, что консервативные меоты из всего репертуара греческой посуды выбрали объектом для подражания только канфар (Лимберис, Марченко 1999) — главный рукотворный атрибут Диониса.

Мы не сомневаемся в том, что, активно приобщаясь к греческой традиции винопития, скифы восприняли и некоторые стороны почитания бога вина. Поэтому отсутствие у скифов божества, аналогичного по своим функциям Дионису, едва ли серьёзно препятствовало проникновению в их среду дионисийского культа²⁴. Фактором, способствовавшим этому проникновению, безусловно, было соседство и тесные контакты с фракийцами, одним из главных божеств которых был Дионис (Hdt., V, 7).

Вероятно, отнюдь не случайно, что, как и во Фракии, в Скифии изображения самого бога Диониса (вернее, его головы) весьма редки. Они встречаются лишь на бляшках, которые в изобилии обнаружены в курганах Куль-Оба (57 экземпляров трёх типов: Копейкина 1986: № 9 — 11; Уильямс, Огден 1995: № 92)²⁵ и Чертомлык (69 штук: Алексеев 1986: № 21), а также в меньших количествах найдены в курганах Огуз, Александропольский и, вероятно, Мелитопольский (Алексеев 1986: 67). Здесь он изображён юным, с правильными чертами лица, с пышной причёской, увенчанный венком из плюща, который был его постоянным атрибутом. Скорее всего, присутствие этих изображений самого бога Диониса свидетельствует о большем приобщении их хозяев к его культуре (рис. 11).

Образы спутников Диониса — сатиров и менад (рис. 6: б—д, 13, 14) широко представлены на золотых нашивных бляшках и пластинах, служивших украшениями головных уборов, парадных и погребальных одежд представителей варварской знати, на золотой и серебряной чеканной посуде, а также встречаются в декоре оружия и конской сбруи (Онайко 1970: 116, № 787 в, табл. XLI: 493; и; 494: ж, е; 500: г, е; 501: в, г; табл. XXXIV: 447, в; Русяева 1995: 23—25; Фиалко 2003: Кат. № 14: а—в). Обращает на себя внимание сочетание изображений бородатого и безбородого сатиров на уздечных бляхах из кургана Бабина Могила (Мозолевский, Полин, 2005, табл. 7: 1—4) (рис. 10), которое находит полное соответствие в сосуществовании

²⁴ Ряд исследователей придерживается противоположного мнения, полагая, что, поскольку скифы не культивировали виноград и не занимались виноделием, в связи с чем в их пантеоне отсутствовало божество, близкое по функциям Дионису, постольку они сопротивлялись приобщению к его культуре; см., например: (Кузина 2011: 650).

²⁵ Если первая склонна видеть в изображении на этих бляшках Диониса, хотя и со знаком вопроса, вторые считают, что на них скорее представлена менада.

аналогичных изображений на монетах Пантикапея. При отсутствии антропоморфных дионисийских персонажей на чашах для питья вина их могут заменять фитоморфные символы Диониса: к примеру, на двух найденных в кургане Солоха серебряных сосудах изобразительные сюжеты обрамлены плющевым орнаментом; см.: (Манцевич 1987: № 60 и 61).

Венок из плюща нередко украшает и головы бородатых сатиров (которые в ряде случаев имеют ярко выраженные звериные черты) на бляшках. Тирс, растерзанное жертвенное животное — характерные атрибуты экстатических спутниц Диониса — присутствуют в иконографии менад на памятниках торевтики; на пяти золотых квадратных бляшках танцующие обращённые друг к другу менады представлены закутанными в плащ с головой, причём одна из них держит в руках кроталы (Копейкина 1986: № 5; Уильямс, Огден 1995: № 90) — прототип позднейших кастаньет. Бляшки с идентичным изображением нигде более не встречаются, однако с конца V и особенно в IV в. до н.э. эта тема приобретает в Северном Причерноморье довольно большую популярность. В греческих захоронениях этого времени встречаются терракоты и фигурные сосуды с изображением танцующих менад и Диониса (Силантьева 1974: табл. 8: 1 и 13: 4, 5).

Трудно сомневаться в том, что идеи и эмоции культа хтонического Диониса оказались близки варварам. В конце VI—V в. до н.э. получает распространение орфический культ Диониса²⁶, где бог выступал в архаической ипостаси Загрея — умирающего (растерзанного) и воскресающего божества, судьба которого вселяла в его адептов надежду на возрождение. Косвенным свидетельством существования орфизма в северопонтийском регионе является бронзовое зеркало, найденное в позднеархаической могиле ольвийского некрополя. Оно уже упоминалось, так же как и костяные пластинки, в которых имя бога упоминается в сочетании с названием его почитателей — орфиков. Судя по всему, орфические и вакхические таинства имели много общего и, вероятно, в V в. до н.э. фиас, объединявший посвящённых, среди которых был царь Скил, находился под каким-то влиянием орфических учений²⁷. Участие в фиасе скифского царя позволяет предполагать, что варварам, у которых существовала вера в бессмертие души²⁸, были близки представления орфиков о загробном блаженстве.

С хтоническими представлениями, близкими дионисийскому культу, могут ассоциироваться, кроме перечисленных выше, уже самые ранние изображения сатиров и силенов, найденные в погребениях эллинизированных скифов и синдов: золотые бляшки в одном из нимфейских курганов (Силантьева 1959: 55) и втором Семибратнем кургане (Piotrovsky et al. 1986: pl. 79). Как и во Фракии, у скифов появление этих дионисийских персонажей на изобразительных памятниках предшествует появлению образа самого Диониса (Шауб 2019а). Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что сатиры воспринимались варварами как часть сущности этого бога (или его воплощение).

Следует особо отметить, что имеются данные о повышенном интересе к персонажам дионисийского круга у сарматов (Яценко 2022)²⁹. В связи с этим особенно показателен сарматский золотой фалар II в. до н.э. (Северский курган, Кубань), на котором в варваризованной манере изображена «гигантомахия» с участием Диониса на пантере и

²⁶ Каково бы ни было происхождение культа Диониса (о его фракийских корнях см., например: Цымбурский 2002; Шепард 2010), возникший на его почве орфизм, несомненно, имел фракийскую основу (из многочисленных работ на эту тему, написанных преимущественно болгарскими учеными, упомянем лишь: (Фол 1991; 1994).

²⁷ Предположение М.В. Скржинской, что мистерии орфиков кроме Ольвии справлялись также в Пантикапее, теоретически вполне допустимо, однако оно основывается лишь на том обстоятельстве, что аналогия эпиклезе Арей в посвянительной надписи Дионису (КБН 1965: № 15) встречается только в орфических гимнах (Скржинская 2009: 131).

²⁸ Об этой вере фракийского племени гетов, обитавших по соседству с Ольвией, сообщает Геродот (Hdt., IV, 93).

²⁹ В этой добротной работе, к сожалению, допущена неточность: автор пишет, что «древнейшее собственно кавказское изображение Хозяина животных обнаружено в 2007 г. на меотском псалии с Тамани» (Яценко 2022: 161). Однако в указанном году этот предмет только поступил в Объединённые музеи Св.-Алексиевской пустыни, а интерпретация изображения на нём была осуществлена лишь в публикации: (Шауб, Яценко 2022).

Афины, рядом с которой лежит отсеченная голова одного «гиганта», а другого она держит за волосы (Анфимов 1987: 188). Таким образом, налицо связь сарматского Диониса с культом отсечённой мужской головы, который практиковали причерноморские варвары (Шауб 1987в; 2011: 120). В пантикапейской посвяtitельной надписи Дионису (КБН 1965: № 15) этот бог имеет эпikleзу Арей, которая встречается только в орфических гимнах. По мнению Л.А. Ельницкого, употребление эпитета Арейос орфиками говорит в пользу связи Диониса этой надписи с фракийским культом Диониса-Сабазия (Ельницкий 1946: 107). Это посвящение может служить ещё одним подтверждением фракийского влияния на духовную жизнь боспорян.

Сабазий, родственник Дионису фрако-фригийский бог растительного плодородия (Picard 1961)³⁰, в V в. до н.э. появился в Афинах. Культ Сабазия, который, что важно отметить, принадлежал кругу малоазийской Великой богини-матери (Буркерт 2004: 311), засвидетельствован граффито-посвящением из домашнего святилища усадьбы № 6 поселения Панское 1 на хоре Херсонеса. Здесь вместе с несколькими терракотовыми статуэтками женского божества был найден чернолаковый сосуд конца IV в. до н.э. с надписью $\iota\epsilon\rho\acute{\alpha}\ \Sigma\alpha\beta\acute{\alpha}\zeta\iota\omicron\upsilon\varsigma$ (Гилевич 1989; Щеглов 2000; 2001). Надпись можно понять и как «(килик), посвященный Сабазию», и как «священный (килик) Сабазия» (Скржинская 2009).

Култ этого божества в Херсонесе пока надёжно не засвидетельствован (граффити ΣΑ — не в счёт). Как и откуда култ Сабазия попал на хору Херсонеса, неясно; А.М. Гилевич считает, что из Малой Азии (Гилевич 1989: 76). Эта же исследовательница отнесла к культу Сабазия две подвески в виде многоликой бородатой головы, найденные в том же комплексе, а также обнаруженное рядом с ним миниатюрное серебряное изображение свернувшейся змеи (Гилевич 1989: 72 след.). Допуская большую вероятность данного предположения, А.Н. Щеглов справедливо оговаривается, что все эти предметы могли быть связаны и с другими хтоническими культами. (Ščeglov 2002: 216—217, 220).

Вдохновлённая находкой на поселении Панское 1 граффито с упоминанием Сабазия, М.В. Скржинская считает изображением этого бога целый ряд мраморных скульптур и терракот, ссылаясь на которые она делает вывод о том, что в эллинистический период праздники в честь этого бога справляли как на других сельских поселениях херсонесской хоры, так и в самом городе. Однако специалисты-искусствоведы видят во всех этих памятниках не Сабазия, а Диониса (Иванова 1964; Античная скульптура Херсонеса 1976: passim; Шевченко 2016: 13—14). Та же киевская исследовательница утверждает, что подобные праздники в честь Сабазия проходили также на Боспоре. На это, по её мнению, указывает находка в Фанагории терракотовой статуэтки III—II вв. до н.э., изображающей Диониса — Сабазия (Ельницкий 1946: 97). Несмотря на то, что эта терракота сделана из местной глины, что говорит о спросе боспорян на подобные изделия (Скржинская 2009), для доказательства существования праздников в честь Сабазия этого слишком мало. В то же время и кроме этой терракоты о существовании на Боспоре культа этого бога могут говорить и другие факты.

Так, значительную роль в культе как Диониса, так и Сабазия имел танец. В связи с этим стоит вспомнить любопытное сообщение, которое оставил Лукиан в своем трактате «О танце»: «Вакхический танец, который особенно распространён в Ионии и в Понте, хотя и

³⁰ Некоторые античные источники прямо указывают, что Сабазий — это фракийский Дионис (Schol., Aristoph., Vesp., 9; Orph., h. 48). Как Дионис, так и Сабазий были тесно связаны со змеями. Змея считалась воплощением Сабазия, потому её не только изображали на памятниках его культа, но и носили во время соответствующих ритуалов. Что касается Диониса, то, по одной из версий, Дионис Загрей был сыном Зевса-змея и сам мог превращаться в эту рептилию (Gicheva 1997: 1069; Popova 2009: 167); поэтому неудивительно, что менады на аттических вазах нередко изображались со змеями в руках. Кроме того, отличительной особенностью образа как Сабазия, так и Диониса, является диморфность, а культа обоих этих богов — ритуальная травестия. Диониса и Сабазия роднило и то обстоятельство, что их култ отличался не только экстатическим, но и мистериальным характером. Черты обоих этих божеств также присутствуют в образе «Владыки зверей», о чём см. ниже.

похабный (σατυρικῆ), настолько увлек тамошних людей, что все они в назначенное время забывают все остальное и сидят, наблюдая за титанами, корибантами, сатирами и буколами (βουκόλους)³¹ — весь день напролет. И те, кто исполняют эти танцы, являются лучшими по рождению и первыми людьми в каждом из городов. Они не только не испытывают смущения, но и гордятся этим фактом, даже больше, чем своим знатным происхождением, литургиями и репутацией своих предков» (Lucian., *De saltat.*, 79 Macleod)³². Прочие особенности этих дионисийских танцев нам неизвестны; кроме того их отличал импровизационный характер (Delavaud-Roux 1995: 45). Более регламентирован был дионисийский танец окласма, запечатленный на серьгах (Калашник 2014: 148—149); на золотых бляшках, перстнях и в терракотах (рис. 15, 16, 17), происходящих из боспорских гробниц. На упомянутых памятниках представлены исполнители этого восточного (персидского) танца, который отличался такими элементами, как хлопки в ладоши (или сцепленные руки) над головой (реже перед собой), а также «присядка». Опираясь на остроумную гипотезу Л. Курциуса, предположившего, что главным персонажем ряда аттических вазовых рисунков конца V в. до н.э., среди которых выделяются танцоры окласмы (рис. 18), является Сабазий (Curtius 1928: 281 ff.), мы связали изображения танцоров на сакральных предметах, найденных в гробницах Боспора, с культом Сабазия или фракийского Диониса (Шауб 2007а: 341 след.)³³. Поскольку этот бог в верованиях его почитателей давал надежду на вечную загробную жизнь (Picard 1961)³⁴, неудивительно, что изображения танцоров его культа помещались в могилы.

Вероятно, тот же бог изображён на акротерии III в. до н.э., происходящем, скорее всего, с территории Боспора. На этом памятнике он представлен крылатым и с растительными побегами вместо ног (что, на наш взгляд, является аналогом змееностности), в варварском одеянии и с фригийским колпаком на голове; в обеих руках он держит львиноголовых грифонов (рис. 19). Этот и подобные ему персонажи Э. Ланглотц считает изображениями Диониса (Langlotz 1932: 181 ff.). П. Кноблаух, возражая Ланглотцу, обратил внимание на тот факт, что Дионис не изображался в варварской одежде (Knoblauch 1938: 356). Однако этот автор не учёл процесс ориентализации, который происходил в культе Диониса с конца V в. до н.э.; см.: (Schefold 1959: 22 ff.) Т. Краус (Kraus 1954: 43) отметил, что, несмотря на определенную разницу в деталях изображений подобных восточных персонажей, речь может идти только об одном и том же божестве, которое он называет Дионисом-Сабазием.

Несомненно, черты как Диониса, так и Сабазия присутствуют и в образе «Владыки зверей», изображения которого представлены на золотой диадеме из Куль-Обы (рис. 20) и ряде других сакральных украшений из курганов Скифии и Боспора (Шауб 2007в; 2021б: 102 след.) (рис. 21)³⁵.

Считается, что самое раннее изображение такого рода представлено на бронзовой пластине начала IV в. до н.э. из Олинфа (Robinson 1941: 30 sq., fig. 6; Valeva 1995: 340, fig. 4). Однако, ещё к VI в. до н.э. относится бронзовый канделябр, происходящий из

³¹ Буквально «волопасами», но речь идёт не о пастухах, а о почитателях Диониса в бычьих масках; см.: LSJ, v. Βουκόλος.

³² ἡ μὲν γὰρ Βακχικὴ ὄρχησις ἐν Ἰωνίᾳ μάλιστα καὶ ἐν Πόντῳ σπουδαζομένη, καίτοι σατυρικὴ οὔσα, οὕτω κεχεῖρωται τοὺς ἀνθρώπους τοὺς ἐκεῖ ὥστε κατὰ τὸν τεταγμένον ἕκαστοι καιρὸν, ἀπάντων ἐπιλαθόμενοι τῶν ἄλλων, κάθηνται δι' ἡμέρας τιτᾶνας καὶ κορύβαντας καὶ σατύρους καὶ βουκόλους ὀρῶντες. καὶ ὀρχοῦνται γὰρ ταῦτα οἱ εὐγενέστατοι καὶ πρωτεύοντες ἐν ἑκάστη τῶν πόλεων, οὐχ ὅπως αἰδοῦμενοι ἀλλὰ καὶ μέγα φρονοῦντες ἐπὶ τῷ πράγματι μᾶλλον ἢ περὶ εὐγενείας καὶ λειτουργίας καὶ ἀξιώμασι προγονοῦσι.

³³ Л. Стефани, который первым идентифицировал танец, запечатленный на ряде боспорских памятников, с окласмой, необоснованно считал его присущим культу элевсинской Деметры.

³⁴ Одна из расписных боспорских гробниц, главным элементом декора которой являются изображения виноградной лозы и кистей винограда, небезосновательно получил название склепа «сабазиастов», поскольку весьма вероятно связь этих символов с культом Диониса-Сабазия (Ростовцев 1914: 429—430). Как бы то ни было, символика винограда, широко представленная на надгробных стелах, рельефах саркофагов, росписи позднеантичных склепов, несомненно, имела сакральное значение.

³⁵ Хотя, пожалуй, вернее было бы в данном случае говорить о дионисийской (или прадионисийской, в духе В.И. Иванова) сущности этого образа.

«ориентализированного пограничья Восточной Ионии» (Hornbostel 1980: 23, Abb. 17). У основания стержня этого канделябра, который служит постаментом для фигуры крылатой богини, в перекрестье подставки из львиных лап в высоком рельефе представлена фигура бородатого божества с крыльями, выходящего из пышной пальметты. Эта композиция наглядно свидетельствует о том, что подобные бородатые персонажи ещё с архаической эпохи мыслились как божества, подчиненные малоазиатской Великой богине (Шауб 2008а: 55).

Поклонение Дионису, безусловно, составляло часть культурного наследия как Милета (Ehrhardt 1983: 169), так и других метрополий греческих причерноморских полисов. Однако столь же несомненно, что распространению в его западнопонтских колониях вакхического культа особенно благоприятствовали религиозные традиции тесно связанного с ними местного фракийского населения (Chieikova 2007: 24).

По мнению Д. Чековой, греческие жители городов Западного Причерноморья, оставаясь верными культурному наследию метрополии, «в то же время были способны воспринять религиозные ценности своих «варварских» соседей» (Chieikova 2007: 30). В свете всего вышеизложенного, выводы, сделанные болгарской исследовательницей о сохранении культурных традиций метрополии при существенном влиянии фракийского окружения на религиозную жизнь колоний Западного Понта, можно с полным правом отнести и к Боспору с его греко-варварским населением и элитой.

Итак, анализ имеющихся в нашем распоряжении памятников позволяет уверенно предполагать, что особенности культа Диониса в греческих колониях Северного Причерноморья в значительной степени были обусловлены не только консервацией здесь архаических черт в этом культе, но и мощными фракийскими влияниями. Судя по находкам лепной керамики, фракийцы (геты) жили и в архаической Ольвии (Марченко 1988), а на Боспоре с 438 г. до н.э. правила фракийская по своему происхождению династия Спартокидов³⁶. Не следует забывать и тот факт, что фракийские и скифские племена веками находились не только в близком соседстве, но и в тесном этнокультурном взаимодействии³⁷. Находки в курганах скифской и синдской знати разнообразных вещей, чаще всего культового назначения, с изображениями персонажей дионисийского круга неоспоримо свидетельствуют не только о том, что эллинский культ Диониса был хорошо известен причерноморским варварам³⁸, но и о близости этих персонажей местным религиозно-мифологическим представлениям³⁹.

³⁶ Недавно у этой гипотезы появилось новое обоснование. В своей статье, посвященной погребению в кургане у села Баксы, которое, возможно, принадлежит боспорскому царю Сатиру I, Ю.А. Виноградов обращает внимание на то, что останки усопшего царя были специально вынесены из склепа в рамках некоего религиозного обряда. Очень схожие явления наблюдаются в элитных курганах на территории Фракии. В них при наличии некоторых предметов погребального инвентаря костные останки тоже отсутствуют. Суть обряда извлечения костей из склепов Д. Гергова определила как проявление «обряда обессмерчивания» (Гергова 1996: 132, 136—139). Этот обряд являлся органичным следствием распространившихся во фракийском мире орфических верований, связанных с обретением бессмертия (Виноградов 2014: 531).

³⁷ Поэтому «изучение истории и культуры фракийцев, несомненно, способствует более глубокому пониманию многих аспектов культуры скифских племён, с именем которых связана древняя история всего Евразийского региона. В частности, сведения о религиозных верованиях фракийцев позволяют реконструировать некоторые малоизученные аспекты скифских религиозных представлений», - справедливо напоминает осетинский исследователь А.В. Дарчиев (Дарчиев 2014а). См. также: (Дарчиев 2014б).

³⁸ О проблеме знакомства варваров с божествами эллинского пантеона см.: (Раевский 1980).

³⁹ Популярности различных аспектов дионисийства у представителей варварской элиты, несомненно, способствовало заключение смешанных браков с гречанками и фракиянками (Масленников 1981: 92—93).

Литература

- Алексеев А.Ю. 1986. Нашивные бляшки Чертомлыкского кургана. В: Грач Н.Л. (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 64—74.
- Андреев Ю.В. 2002. *От Евразии к Европе*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Анохин В.А. 1989. *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Античная скульптура Херсонеса 1976: Иванова А.П., Чубурова А.П. (сост.). 1976. *Античная скульптура Херсонеса*. Киев: Мистецтво.
- Анфимов Н.В. 1987. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.
- Артамонов М.И. 1966. *Сокровища скифских курганов*. Ленинград: Советский художник; Прага: Артия.
- Бессонова С.С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.
- Буркерт В. 2004. *Греческая религия. Архаика и классика*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Виноградов Ю.А. 2014. Ещё раз о кургане у села Баксы в восточном Крыму. *БИ XXXIV*, 529—534.
- Винокуров Н.И. 2002. Античный социум: культ вина и винограда. *БИ II*, 27—88.
- Ганіна О.Д. 1974. *Київський музей історичних коштовностей*. Київ: Мистецтво.
- Гергова Д. 1996. *Обредът на обезсмъртяването в древна Тракия*. София: Агато.
- Гилевич А.М. 1983. О культе Сабазия в Херсонесе. В: *Краткие тезисы докладов научной конференции «Древние культуры Евразии и античная цивилизация», 10—13 мая 1983*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 35—36.
- Дарчиев А.В. 2014а. Фракийские элементы в религии скифов и Нартовский эпос осетин (Цикл сказаний о Бартазе). *Современные проблемы науки и образования* 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16945> (дата обращения 31.05.2023).
- Дарчиев А.В. Черты военного божества в образе фракийского Диониса. *Современные проблемы науки и образования* 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17033> (дата обращения 31.05.2023).
- Жижина Н.К. 2007. Гипсовый рельеф в погребальных памятниках Европейского Боспора первых веков н.э. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Зайцева К.И. 1971. Ольвийские культовые свинцовые изделия. В: Горбунова К.С. (отв. ред.). *Культура и искусство античного мира*. Ленинград: Аврора, 4—106.
- Зинько Е.А. 2007. Миф о Коре-Персефоне в боспорской монументальной живописи. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Ч. I. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 115—117.
- Жмудь Л.Я. 1992. Орфические граффити из Ольвии. В: Гаврилов А.К. (отв. ред.). *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Глаголь, 94—110.
- Иванов В.И. 1994. *Дионис и прадионисийство*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Иванов В.И. 2014. Эллинская религия страдающего Бога. *Символ* 64.
- Иванова А.П. 1964. Скульптурные изображения Диониса из Херсонеса. *СА* 2, 134—139.
- Ильина Т.А., Муратова М.Б. 2002. Вотивные терракоты из храма на акрополе Пантикапея. *БЧ* 3. *Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь: Центр археологических исследований, 115—121.
- Карышковский П.О. 1988. *Монеты Ольвии*. Киев: Наукова думка.
- КБН 1965: Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
- Кереньи К. 2007. *Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни*. Москва: Ладомир.
- Копейкина Л.В. 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба. В: Грач Н.Л. (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 28—63.
- Кузина Н.В. 2005. Праздники в честь Диониса в античных государствах в Северном Причерноморье. *БЧ* V. *Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы*. Керчь: Центр археологических исследований, 212—219.
- Кузина Н.В. 2007а. Дионисийская символика в погребальной обрядности населения античных центров Северного Причерноморья. *БИ XVI*, 112—129.
- Кузина Н.В. 2007б. Особенности отправления культа Диониса в сакральных комплексах Северного Причерноморья. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Ч. I. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 36—47.
- Кузина Н.В. 2008. Культ Диониса в античных государствах Северного Причерноморья: содержание, общественно-политический аспект, локальная специфика. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново.
- Кузина Н.В. 2011. К вопросу о распространении культа Диониса среди местного варварского

- населения Северного Причерноморья. В: Вахтина М.Ю., Грицик Е.В., Жижина Н.К., Иванов С.В., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Соколова О.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 649—654.
- Кузина Н.В. 2013. К вопросу о происхождении культа Диониса. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 4 (1), 252—259.
- Кузнецова Т.М. 1984. Анахарсис и Скил. *КСИА* 178, 11—17.
- Лебедев А.В. 1986. Происхождение имени Орфей. В: Иванов В.И., Нерозняк В.П., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. (ред.). *Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму*. Москва: Наука, 37—40.
- Леви Е.И. 1956. Ольвийская агора. *МИА* 50, 35—118.
- Леви Е.И. 1959. Терракоты из цистерны ольвийской агоры. *КСИИМК* 74, 9—19.
- Леви Е.И. 1964. Материалы ольвийского теменоса. В: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). *Ольвия. Теменос и агора*. Москва; Ленинград: Наука, 131—174.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 1999. Меотские реплики древнегреческих канфаров. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Рогов Е.Я., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 262—270.
- Лосева Н.М. 1974. Аттический краснофигурный стамнос, найденный в Керчи. *Сообщения ГМИИ* 7, 125—132.
- Манцевич А.П. 1987. *Курган Солоха*. Ленинград: Искусство.
- Маразов И. 1992. *Мит, ритуал и искусство у траките*. София: Св. Климент Охридски.
- Маразов И. 2001. Фиалата от Кул Оба — образът на «другия» в изкуството на скитите. *МИФ* 7, 360—424.
- Марти А.Ю. 1940. Детское погребение IV в. до н.э. из кургана близ Тиритаки. *СА* 6, 120—129.
- Марченко К.К. 1988. *Варвары в составе населения Березани и Ольвии*. Ленинград: Наука.
- Масленников А.А. 1981. *Население Боспорского государства в VI—II вв. до н.э.* Москва: Наука.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева Могилы*. Киев: Стилос.
- Молева Н.В. 2003. Культ Диониса в боспорском городе Китее. *Из истории античного общества* 8, 74—81.
- ОАК 1859: *ОАК за 1859 г.* 1862. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.
- ОАК 1864: *ОАК за 1864 г.* 1865. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.
- ОАК 1868: *ОАК за 1868 г.* 1870. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.
- Онайко Н.А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье*. Москва: Наука (САИ Д1-27).
- Раевский Д.С. 1980. Эллинские боги в Скифии? (К семантической характеристике греко-скифского искусства). *ВДИ* 1, 49—71.
- Розанов Н.П. 1968. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии. В: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. К 100-летию со дня рождения акад. С.А. Жебелёва. 1867—1967*. Ленинград: Наука, 248—251.
- Ростовцев М.И. 1914. *Античная декоративная живопись на Юге России*. Санкт-Петербург: Императорская Археологическая комиссия.
- Ростовцев М.И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Ленинград: РАИМК.
- Ростовцев М.И., Степанов П.К. 1917. Эллино-скифский головной убор. *ИАК* 63, 69—101.
- Русяева А.С. 1976. Рельефні зображення Діоніса та Аріадни на посуді з Ольвії. *Археологія* 20, 36—42.
- Русяева А.С. 1978. Орфизм и культ Диониса в Ольвии. *ВДИ* 1, 87—104.
- Русяева А.С. 1979. *Земледельческие культы в Ольвии догетского времени*. Киев: Наукова думка.
- Русяева А.С. 1992. *Религия и культы античной Ольвии*. Киев: Наукова думка.
- Русяева А.С. 2005а. *Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев*. Киев: Стилос.
- Русяева А.С. 2005б. Региональные особенности культа Диониса в Причерноморье. *БИ* IX, 65—83.
- Русяева М.В. 1995. Діонісійські сюжети на пам'ятках торевтики із скіфських курганів. *Археологія* 1, 22—34.
- Силантьева Л.Ф. 1959. *Некрополь Нимфея*. *МИА* 69, 5—107.
- Силантьева П.Ф. 1974. Терракоты Пантикапея. *Терракотовые статуэтки*. Ч. III. *Пантикапей*. Москва: Наука (САИ Г1-11), 5—37.
- Скржинская М.В. 1984. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани. В: Анохин В.А. (ред.). *Античная культура Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 105—129.

- Скржинская М.В. 2009. *Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье*. Киев: Институт всеобщей истории НАНУ.
- Терещенко А.Е. 2012. Аполлонийско-дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи. *Stratum plus* 6, 1—50.
- Уильямс Д., Огден Д. 1995. *Греческое золото: ювелирное искусство классической эпохи V—IV века до н.э.* Санкт-Петербург: Славия.
- Фиалко Е.Е. 2003. Золотые бляшки из кургана Огуз. *РА* 1, 124—133.
- Фол А. 1991. *Тракийският Дионис. Книга първа: Загрей*. София: Св. Климент Охридски.
- Фол А. 1994. *Тракийският Дионис. Книга втора: Сабазий*. София: Св. Климент Охридски.
- Фракийское золото 2013: Журавлев Д., Фирсов К. (ред.). 2013. *Фракийское золото. Ожившие легенды*. Москва: Кучково Поле.
- Хамула Д.В. 2009. *Дионис в античной коропластике и вазописи Северного Причерноморья: семантика в контексте культа*. Одесса: Удача.
- Хамула Д.В. 2013. *Дионис в Северном Причерноморье: искусство и культ*. Одесса: Печатный Дом.
- Цымбурский В.Л. 2002. Имя Диониса. В: Казанского Н.Н. (ред.). *Классическая филология и индоевропейское языкознание*. Санкт-Петербург: Наука, 141—166.
- Шауб И.Ю. 1987а. Культы и религиозные представления населения Боспора VI—IV веков до н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Шауб И.Ю. 1987б. Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства. *КСИА* 191, 27—33.
- Шауб И.Ю. 1987в. К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров Северного Причерноморья и Приазовья. В: Раев Б.А. (отв. ред.). *Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье: тезисы докладов к семинару*. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 16.
- Шауб И.Ю. 1988. Культовые танцы на Боспоре. В: Павленко Л.В. (ред.). *Проблемы античной культуры: тезисы докладов к конференции*. Ч. 3. Симферополь: СГУ им. М.В. Фрунзе, 225—226.
- Шауб И.Ю. 1989. О синкретизме Аполлона и Диониса на Боспоре в IV в. до н.э. В: Кошеленко Г.А. (ред.). *Проблемы исследования античных городов: Тезисы докладов III научных чтений, посвященных памяти В.Д. Блаватского*. Москва: ИА АН СССР, 128—129.
- Шауб И.Ю. 1993б. Парис на Боспоре. *КСИА* 207, 67—69.
- Шауб И.Ю. 1999а. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья. *Stratum plus* 3, 207—224.
- Шауб И.Ю. 1999б. Некоторые аспекты культа Диониса на Боспоре в IV в. до н.э. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Рогов Е.Я., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 133—136.
- Шауб И.Ю. 2000. О семантике образа Европы. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева*. Санкт-Петербург: Алетейя, 122—125.
- Шауб И.Ю. 2006. Черты дионисийского мифа в легенде о скифском царе Скиле. *АМА* 12, 345—350.
- Шауб И.Ю. 2007а. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII—IV вв. до н.э. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Шауб И.Ю. 2007б. Образ «Владыки зверей» на Боспоре и в Скифии. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Ч. I. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 27—30.
- Шауб И. Ю. 2008а. Италия-Скифия: культурно-исторические параллели. Москва; Санкт-Петербург: Свято-Алексеевская пустынь.
- Шауб И.Ю. 2008б. Культ Диониса и свинцовые вотивы из Ольвии. *АВ* 15, 112—117.
- Шауб И.Ю. 2011. *Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI—IV вв. до н.э.)*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Шауб И.Ю. 2014. Боспорские курганы и загробные представления боспорян. *БИ XXX*, 639—694.
- Шауб И.Ю. 2015. Ожерелье с амулетами из кургана Большая Близница. *Новый Гермес* 6, 22—29.
- Шауб И. Ю. 2017. Боспорское жречество. *БИ XXXIV. Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени*, 288—324.
- Шауб И.Ю. 2019а. К вопросу об интерпретации образов дионисийского круга на монетах Пантикапея. *ЗИИМК РАН* 21, 73—81.

- Шауб И.Ю. 2019б. Ценный вклад в изучение духовной культуры Боспорского царства. Рец. на кн. : Braund David. *Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era*. Cambridge University Press, 2018. — xvi + 314 p. *AB* 25, 245—261.
- Шауб И.Ю. 2020. *Смерть и возрождение: загробный мир боспорян*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Шауб И.Ю. 2021а. Горгона в религии меотов. *МАИАСП* 13, 701—714. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.40.021.
- Шауб И.Ю. 2021б. Золотое ожерелье. В: Виноградов Ю.А., Медведева М.В. (ред.). *Первый Мордвиновский курган*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 102—110.
- Шауб И.Ю. 2023. О погребениях в херсонесском подстенном склепе № 1012 и их интерпретации. *ЗИИМК РАН* 28, 23—35.
- Шауб И.Ю., Терещенко А.Е. 2021. Подтверждается ли гипотеза М.И. Ростовцева о фракийском происхождении образов сатиров на монетах Пантикапея? *AB* 33, 71—77.
- Шауб И.Ю., Яценко С.А. 2022. Меотский псалый с уникальным изображением. *Новый Гермес* 14.1, 4—19.
- Шевченко А.В. 2016. *Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи*. Симферополь: Наследие тысячелетий.
- Шелов Д.Б. 1950. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. *КСИИМК* 34, 62—69.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 2018. Древнегреческая поэзия на Боспоре. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6, 71—80.
- Шепард Г. 2010. К вопросу об истоках культа Диониса. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова)*. Москва: МГОУ, 295—308.
- Шталь И.В. 1989. *Эпические предания Древней Греции*. Москва: Наука.
- Шталь И.В. 1996. Аримаспы и грифы: миф, культ, эпос. Приложение: указатель мифоэпических сюжетов вазовой росписи керченского стиля из собрания музеев Российской Федерации. В: Шталь И.В. (ред.). *Классическая филология на современном этапе*. Москва: Наследие, 29—45.
- Щеглов А. Н. 2000. О времени появления культа Сабазия на северных берегах Понта: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция. В: Савинов Д.Г. (отв. ред.). *Святынища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции, Санкт-Петербург, 14—17 ноября 2000 г.* Санкт-Петербург: СПбГУ, 67—73.
- Щеглов А.Н. 2001. К изучению культа Сабазия в Херсонесе: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция. В: Марченко Л.В. (ред.-сост.). *Херсонес Таврический: у истоков мировых религий*. Севастополь: НЗХТ, 52—61.
- Эткинд А. 1998. *Хлыст (Секты, литература и революция)*. Москва: НЛЮ.
- Ягги О., Лазенкова Л. 2012. *Аттические краснофигурные вазы IV в. до н.э. из собрания Керченского историко-культурного заповедника*. Киев: Мистецтво.
- Яценко С.А. 2022. Боги сарматов. *МАИАСП* S1, 143—186. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.89.30.006.
- ABC: Reinach S. 1892. *Antiquités du Bosphore Cimmérien*. Paris: Didot.
- Alexandrescu P. 1966. Le symbolisme funéraire dans une tombe de la péninsule de Taman. *StCI* 8, 75—86.
- Burkert W. 2004. *Babylon, Memphis, Persepolis: Eastern Contexts of Greek Culture*. Cambridge: Harvard University Press.
- Chiekova D. 2007. Cults of the Greek cities en aristera tou Pontou: Interaction of Greek and Thracian traditions. *Electronic Antiquity*. Iss. 11.1 . November.
- Curtius L. 1928. Sardanapal. *JdI* 43, 179—202.
- Delavaud-Roux M.-H. 1995. *Les danses dionysaques en Grèce antique*. Aix en Provence: l'Université de Provence.
- Ehrhardt N. 1983. *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main; Bern; New-York: P. Lang.
- Gicheva R. 1997. *Sabazios*. *LIMC* 8, 1068—1071.
- Gimbutas M. 1989. *The Language of the Goddess*. New York: Thames and Hudson.
- Hornbostel W. 1980. *Aus Gräbern und Heiligtümern: die Antikensammlung Walter Kropatscheck*. Mainz: von Zabern.
- IOSPE I²: Latyshev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: Императорская академия наук.
- Knoblauch P. 1938. Attische Figurenvasen des 4. Jahrh. v. Chr. *AA* 20, 336—357.
- Kraus Th. 1954. Bemerkungen zum Sessel des Dionysospriesters im Athener Dionysostheater. *JdI* 69, 32—48.
- Langlotz E. 1932. Dionysos. *Die Antike* 8, 172—183.
- LSJ: Liddell H.G., Scott R. (comp). 1996. *A Greek-English Lexicon*. Oxford: University Press.

- Manzewitsch A. 1932. *Ein Grabfund aus Chersonnes*. Leningrad: Akademie für Geschichte der materiellen Kultur.
- Meuli, K. 1935. *Scythica*. *Hermes* 70, 121—176.
- Nilsson M.P. 1967. *Geschichte der griechischen Religion*. 3 Aufl. Bd. I. München: Beck.
- Penkova E. 2003. Orphic Graffito on a Bone Plate from Olbia. *Thracia* 15, 605—619.
- Picard Ch. 1961. Sabazios, dieu thraco-phrygien, expansion et aspects nouveaux de son culte. *RA* 11, 129—176.
- Popova R. 2009. The road of Sabazios to the northern coasts of the Black Sea: The Bosporan Kingdom. *Thracia* 18, 165—184.
- Piotrovsky et al. 1986: Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. 1986. *Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid — 7th to 3rd century B.C.* Leningrad: Aurora Art Publishers.
- Robinson D.M. 1941. *Excavations at Olynthos*. Vol. X. Baltimore: The Johns Hopkins Press; London: Humphrey Milford; Oxford: Oxford University Press.
- Rostovtzeff M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press.
- Schauenburg K. 1953. Pluton und Dionysos. *JdI* 68, 38—72.
- Schefold K. 1934. *Untersuchungen zu den Kertscher Vasen*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
- Schefold K. 1959. *Griechische Kunst als religiöses Phänomen*. Hamburg: Rowohlt.
- Schefold K. 1960. *Meisterwerke griechischer Kunst*. Basel-Stuttgart: B. Schwabe.
- Valeva Ju. 1995. The Sveshari Figurines (an Attempt to Specify Several Hypotheses). *Thracia* 11, 337—352.
- Wace A.J.B. 1929. The Lead Figurines. In: Dawkins R.M. (ed.). *The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta*. London: Macmillan and Co., 249—284.
- West M.L. 1982. The Orphics in Olbia. *ZPE* 45, 17—29.
- Wright G.R.H., 2003. Orpheus with his Head. *Thracia* 15, 179—189.

References

- Alekseev, A.Yu. 1986. In: Grach, N.L. (ed.). *Antichnaya toreutika (Ancient toreutics)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, 64—74 (in Russian).
- Andreev, Yu.V. 2002. *Ot Evrazii k Evrope (From Eurasia to Europe)*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).
- Anokhin, V.A. 1989. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Coins of ancient cities of the North-Western Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Antichnaya skul'ptura Khersonesa 1976: Ivanova, A.P., Chuburova, A.P. (ed.). 1976. *Antichnaya skul'ptura Khersonesa (Antique sculpture of Chersonesus)*. Kyiv: Mistetstvo (in Russian).
- Anfimov, N.V. 1987. *Drevnee zoloto Kubani (Ancient gold of Kuban)*. Krasnodar: Krasnodarskoye knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).
- Artamonov, M.I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov (Treasures of Scythian burial mounds)*. Leningrad: Sovetskiy khudozhnik; Praga: Artiya (in Russian).
- Bessonova, S.S. 1983. *Religioznye predstavleniya skifov (Religious ideas of the Scythians)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Burkert, V. 2004. *Grecheskaya religiya. Arkhaika i klassika (Greek religion. Archaic and classic)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Vinogradov, Yu.A. 2014. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XXXIV, 529—534 (in Russian).
- Vinokurov, N.I. 2002. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* II, 27—88 (in Russian).
- Ganina, O.D. 1974. *Kiivskiy muzey istorichnikh koshtovnostey (Kiev Museum of Historical Cost)*. Kyiv: Mistetstvo (in Russian).
- Gergova, D. 1996. *Obred't na obezsm'rtyavaneto v drevna Trakiya (The rite of immortality in ancient Thrace)*. Sofiya: Agato (in Bulgarian).
- Gilevich, A.M. 1983. In: *Kratkiye tezisy dokladov nauchnoy konferentsii "Drevniye kul'tury Evrazii i antichnaya tsivilizatsiya", 10—13 maya 1983 (Brief abstracts of reports of the scientific conference "Ancient cultures of Eurasia and ancient civilization," May 10—13, 1983)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, 35—36 (in Russian).
- Darchiey, A.V. 2014a. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (Modern problems of science and education)* 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16945> (accessed 31.05.2023) (in Russian).
- Darchiey, A.V. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (Modern problems of science and education)* 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17033> (accessed 31.05.2023) (in Russian).

- Zaytseva, K.I. 1971. In: Gorbunova, K.S. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira (Culture and art of the ancient world)*. Leningrad: Avrorra, 4—106 (in Russian).
- Zhizhina, N.K. 2007. *Gypsum relief in funerary monuments of the European Bosphorus of the first centuries CE (based on materials from the State Hermitage collection)*. PhD Thesis Abstract. Saint Petersburg.
- Zin'ko, E.A. 2007. In: Zuev, V.Yu. (eds.). *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok (Bosporan phenomenon: sacred meaning of the region, monuments, find)*. Pt. I. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 115—117 (in Russian).
- Zhmud', L.Ya. 1992. In: Gavrilov, A.K. (ed.). *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya (Sketches on ancient history and culture of the Northern Black Sea region)*. Saint Petersburg: Glagol, 94—110 (in Russian).
- Ivanov, V.I. 1994. *Dionis i pradionisizstvo (Dionysus and pre-Dyonysianism)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Ivanov, V.I. 2014. In *Simvol (Symbol)* 64 (in Russian).
- Ivanova, A.P. 1964. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 134—139 (in Russian).
- Il'ina, T.A., Muratova, M.B. 2002. In *Bosporskiye chteniya (Bosporan Readings)* 3. *Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya (Cimmerian Bosphorus, Pontus and the barbarian world during the period of antiquity and the Middle Ages)*. Kerch: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy, 115—121 (in Russian).
- Karyshkovskiy, P.O. 1988. *Monety Ol'vii (Coins of Olbia)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).
- Keren'i, K. 2007. *Dionis: Proobraz neissyakayemoy zhizni (Dionysus: The prototype of inexhaustible life)*. Moscow: Lodomir (in Russian).
- Kopeykina, L.V. 1986. In: Grach, N.L. (ed.). *Antichnaya torevtika (Ancient toreutics)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, 28—63 (in Russian).
- Kuzina, N.V. 2005. In *Bosporskiye chteniya (Bosporan Readings)* V. *Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskiye protsessy (Cimmerian Bosphorus, Pontus and the barbarian world during antiquity and the Middle Ages. Ethnic processes)*. Kerch: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy, 212—219 (in Russian).
- Kuzina, N.V. 2007a. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XVI, 112—129 (in Russian).
- Kuzina, N.V. 2007b. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok (Bosporan phenomenon: sacred meaning of the region, monuments, finds)*. Pt. I. Saint Petersburg: Gosudastvennyy Ermitazh, 36—47 (in Russian).
- Kuzina, N.V. 2008. The cult of Dionysus in the ancient states of the Northern Black Sea region: content, socio-political aspect, local specifics. PhD Thesis Abstract. Ivanovo.
- Kuzina, N.V. 2011. In: Vakhtina, M.Yu., Gritsik, E.V., Zhizhina, N.K., Ivanov, S.V., Zuev, V.Yu., Kashaev, S.V., Sokolova, O.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Naseleniye, yazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan phenomenon. Population, languages, contacts. Proceedings of the international scientific conference)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 649—654 (in Russian).
- Kuzina, N.V. 2013. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University)* 4 (1), 252—259 (in Russian).
- Kuznetsova, T.M. 1984. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 178, 11—17 (in Russian).
- Lebedev, A.V. 1986. In: Ivanov, V.I., Neroznyak, V.P., Toporov, V.N., Tsiv'yan, T.V. (eds.). *Balkany v kontekste Sredizemnomor'ya. Problemy rekonstruktsii yazyka i kul'tury. Tezisy i predvaritel'nyye materialy k simpoziumu (The Balkans in the context of the Mediterranean. Problems of reconstruction of language and culture. Abstracts and preliminary materials for the symposium)*. Moscow: Nauka, 37—40 (in Russian).
- Levi, E.I. 1956. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)* 50, 35—118 (in Russian).
- Levi, E.I. 1959. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief reports of the Institute of the History of Material Culture)* 74, 9—19 (in Russian).
- Levi, E.I. 1964. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Ol'viya. Temenos i agora (Olvia. Temenos and agora)*. Moscow; Leningrad: Nauka, 131—174 (in Russian).
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 1999. In: Vakhtina, M.Yu., Zuev, V.Yu., Rogov, E.Ya., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (The Bosporan phenomenon: Greek culture on the periphery of*

- the ancient world: materials of an international scientific conference*). Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 262—270 (in Russian).
- Loseva, N.M. 1974. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv (Communications of the State Museum of Fine Arts)* 7, 125—132 (in Russian).
- Mantsevich, A.P. 1987. *Kurgan Solokha (Solokha Mound)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).
- Marazov, I. 1992. *Mit, ritual i izkustvo u trakite (Myth, ritual and art among the Thracians)*. Sofiya: Sv. Kliment Okhridski (in Bulgarian).
- Marazov, I. 2001. In *MIF* 7, 360—424 (in Bulgarian).
- Marti, A.Yu. 1940. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 6, 120—129 (in Russian).
- Marchenko, K.K. 1988. *Varvary v sostave naseleniya Berezani i Ol'vii (Barbarians in the population of Berezan and Olbia)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Maslennikov, A.A. 1981. *Naseleniye Bosporskogo gosudarstva v VI—II vv. do n.e. (Population of the Bosporan state in the 6th — 2nd centuries BCE)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Mozolevskiy, B.N., Polin, S.V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. Babina, Vodyana i Soboleva Mogily (Mounds of the Scythian Gerros of the 4th century BCE. Babina, Vodian and Sobolev Graves)*. Kyiv: Stilos (in Russian).
- Moleva, N.V. 2003. In *Iz istorii antichnogo obshchestva (From the history of ancient society)* 8, 74—81 (in Russian).
- OAK 1859: *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii za 1859 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1864)*. 1862. Saint Petersburg: Tipografija Glavnogo upravleniya udelov (in Russian).
- OAK 1864: *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii za 1864 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1864)*. 1865. Saint Petersburg: Tipografija Glavnogo upravleniya udelov (in Russian).
- OAK 1868: *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii za 1868 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1868)*. 1870. Saint Petersburg: Tipografija Glavnogo upravleniya udelov (in Russian).
- Onayko, N.A. 1970. *Antichnyy import v Pridneprov'ye i Pobuzh'e (Antique imports to the Dnieper and Bug region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).
- Rayevskiy, D.S. 1980. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 49—71 (in Russian).
- Rozanova, N.P. 1968. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. S.A. Zhebelova. 1867—1967 (Ancient history and culture of the Mediterranean and Black Sea region. To the 100th anniversary of the birth of academician. S.A. Zhebeleva. 1867—1967)*. Leningrad: Nauka, 248—251 (in Russian).
- Rostovtzeff, M.I. 1914. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii (Antique decorative painting in the South of Russia)*. Saint Petersburg: Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya (in Russian).
- Rostovtzeff, M.I. 1925. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoye obozreniye pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh (Scythia and Bosporus. Critical review of literary and archaeological monuments)*. Leningrad: RAIMK (in Russian).
- Rostovtzeff, M.I., Stepanov, P.K. 1917. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 63, 69—101 (in Russian).
- Rusyaeva, A.S. 1976. In *Arkheologiya (Archaeology)* 20, 36—42 (in Russian).
- Rusyaeva, A.S. 1978. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 87—104 (in Russian).
- Rusyaeva, A.S. 1979. *Zemledel'cheskie kul'ty v Ol'vii dogetsckogo vremeni (Agricultural cults in Olbia in pre-Getan time)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Rusyaeva, A.S. 1992. *Religiya i kul'ty antichnoy Ol'vii (Religion and cults of ancient Olbia)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Rusyaeva, A.S. 2005a. *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu: Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroev (Religion of the Pontic Hellenes in ancient times: Myths. Sanctuaries. Cults of Olympic gods and heroes)*. Kyiv: Stilos (in Russian).
- Rusyaeva, A.S. 2005b. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* IX, 65—83 (in Russian).
- Rusyaeva, M.V. 1995. In *Arkheologiya (Archeology)* 1, 22—34 (in Russian).
- Silant'yeva, L.F. 1959. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)* 69, 5—107 (in Russian).
- Silant'yeva, P.F. 1974. In *Terrakotovyye statuetki (Terracotta figurines)*. Pt. III. *Pantikapey (Panticapaeum)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-11), 5—37 (in Russian).
- Skrzhinskaya, M.V. 1984. In: Anokhin, V.A. (ed.). *Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya (Ancient culture of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 105—129 (in Russian).
- Skrzhinskaya, M.V. 2009. *Drevnegrecheskiye prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e (Ancient Greek holidays in Hellas and the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Institut vseobshchey istorii NANU (in Russian).

- Tereshchenko, A.E. 2012. In *Stratum plus* 6, 1—50 (in Russian).
- Williams, D., Ogden, D. 1995. *Grecheskoye zoloto: yuvelirnoye iskusstvo klassicheskoy epokhi V—IV veka do n.e. (Greek gold: the art of classical jewelry from the 5th to 4th centuries BCE)*. Saint Petersburg: Slaviya (in Russian).
- Fialko, E.E. 2003. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)* 1, 124—133 (in Russian).
- Fol, A. 1991. *Trakiyskiyat Dionis. Kniga p'rvaya: Zagrey (The Thracian Dionysus. Book One: Zagreus)*. Sofiya: Sv. Kliment Okhridski (in Bulgarian).
- Fol, A. 1994. *Trakiyskiyat Dionis. Kniga vtora: Sabaziy (The Thracian Dionysus. Book One: Sabazios)*. Sofiya: Sv. Kliment Okhridski (in Bulgarian).
- Frakiyskoe zoloto 2013: Zhuravlev, D., Firsov, K. (eds.). 2013. *Frakiyskoye zoloto. Ozhivshiye legendy (Thracian gold. Living legends)*. Moscow: Kuchkovo Pole, 284—285 (in Russian).
- Khamula, D.V. 2009. *Dionis v antichnoy koroplastike i vazopisi Severnogo Prichernomor'ya: semantika v kontekste kul'ta (Dionysus in ancient coroplastic and vase painting of the Northern Black Sea region: semantics in the context of cult)*. Odessa: Udacha (in Russian).
- Khamula, D.V. 2013. *Dionis v Severnom Prichernomor'ye: iskusstvo i kul't (Dionysus in the Northern Black Sea region: art and cult)*. Odessa: Pechatnyy Dom (in Russian).
- Tsyburskiy, V.L. 2002. In: Kazanskiy, N.N. (ed.). *Klassicheskaya filologiya i indoyevropeyskoye yazykoznanie (Classical philology and Indo-European linguistics)*. Saint Petersburg: Nauka, 141—166 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 1987a. Cults and religious ideas of the population of the Bosphorus of the 6th — 4th centuries BCE. PhD Thesis Abstract. Leningrad.
- Schaub, I.Yu. 1987b. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 191, 27—33 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 1987c. In: Raev, B.A. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir v Podon'e-Priazov'e: tezisy dokladov k seminaru (Ancient civilization and the barbarian world in the Don-Azov region: abstracts of reports for the seminar)*. Novocheerkassk: Muzei istorii donsogo kazachestva, 16 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 1988. In: Pavlenko, L.V. (ed.). *Problemy antichnoy kul'tury: tezisy dokladov k konferentsii (Problems of ancient culture: abstracts of reports for the conference)*. Pt. 3. Simferopol: SGU im. M.V. Frunze, 225—226 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 1989. In: Koshelenko, G.A. (ed.). *Problemy issledovaniya antichnykh gorodov: Tezisy dokladov III nauchnykh chteniy, posvyashchennykh pamyati V.D. Blavatskogo (Problems of research of ancient cities: Abstracts of reports of the 3rd scientific readings dedicated to the memory of V.D. Blavatsky)*. Moscow: IA AN SSSR, 128—129 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 1993b. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 207, 67—69 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 1999a. In *Stratum plus* 3, 207—224 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 1999b. In: Vakhtina, M.Yu., Zuev, V.Yu., Rogov, E.Ya., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (The Bosphoran phenomenon: Greek culture on the periphery of the ancient world: materials of an international scientific conference)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 133—136 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2000. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Pamyati Yu.V. Andreeva (ΣΥΣΣΙΤΙΑ. In memory of Yu.V. Andreev)*. Saint Petersburg: Aleteyya, 122—125 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2006. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient World and Archeology)* 12, 345—350 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2007a. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'ye VII—IV vv. do n.e. (Myth, cult, ritual in the Northern Black Sea region of the 7th — 4th centuries BCE)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2007b. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok (Bosphoran phenomenon: sacred meaning of the region, monuments, finds)*. Pt. I. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 27—30 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2008a. *Italiya-Skifiya: kul'turno-istoricheskiye paralleli (Italy-Scythia: cultural and historical parallels)*. Moscow; Saint Petersburg: Svyato-Alekseyevskaya pustyn' (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2008b. In *Arkheologicheskiye vesti (Archaeological News)* 15, 112—117 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2011. *Ellinskiye traditsii i varvarskiy vliyaniya v religioznoy zhizni grecheskikh koloniy Severnogo Prichernomor'ya (VI—IV vv. do n.e.) (Hellenic traditions and barbarian influences in the religious life of the Greek colonies of the Northern Black Sea region (6th — 4th centuries BCE))*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2014. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosphoran Studies)* XXX, 639—694 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2015. In *Novyy Germes (New Hermes)* 6, 22—29 (in Russian).

- Schaub, I.Yu. 2017. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies) XXXIV. Elita Bospora Kimmeriyskogo: Traditsii i innovatsii v aristokraticheskoy kul'ture dorimskogo vremeni (The Elite of the Cimmerian Bosporus: Tradition and Innovation in the Aristocratic Culture of Pre-Roman Times)*, 288—324 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2019a. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk (Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)* 21, 73—81 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2019b. In *Arkheologicheskiye vesti (Archaeological News)* 25, 245—261 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2020. *Smert' i vrozozhdeniye: zagrobnyy mir bosporyan (Death and rebirth: the afterlife of the Bosporans)*. Saint Petersburg: Evraziya (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2021a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 701—714. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.40.021 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2021b. In: Vinogradov, Yu.A., Medvedeva, M.V. (eds.). *Pervyy Mordvinovskiy kurgan (The first Mordvinovsky mound)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 102—110 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2023. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk (Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)* 28, 23—35 (in Russian).
- Schaub, I.Yu., Tereshchenko, A.E. 2021. In *Arkheologicheskiye vesti (Archaeological News)* 33, 71—77 (in Russian).
- Schaub, I.Yu., Yatsenko, S.A. 2022. In *Novyy Germes (New Hermes)* 14.1, 4—19 (in Russian).
- Shevchenko, A.V. 2016. *Terrakoty antichnogo Khersonesa i yego blizhney sel'skoy okrugi (Terracottas of ancient Chersonesos and its surrounding rural areas)*. Simferopol: Naslediye tysyacheletiy (in Russian).
- Shelov, D.B. 1950. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture)* 34, 62—69 (in Russian).
- Shelov-Kovedyayev, F.V. 2018. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University)* 6, 71—80 (in Russian).
- Shepard, G. 2010. In: Yarovoy, E.V. (ed.). *Indoyevropeyskaya istoriya v svete novykh issledovaniy (Sbornik trudov konferentsii pamyati professora V.A. Safronova) (Indo-European history in the light of new research (Collected proceedings of the conference in memory of Professor V.A. Safronov))*. Moscow: MGOU, 295—308 (in Russian).
- Shtal, I.V. 1989. *Epicheskiye predaniya Drevney Gretsii (Epic legends of Ancient Greece)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Shtal, I.V. 1996. In: Shtal, I.V. (ed.). *Klassicheskaya filologiya na sovremennom etape (Classical philology at the present stage)*. Moscow: Nasledie, 29—45 (in Russian).
- Shcheglov, A. N. 2000. In: Savinov, D.G. (ed.). *Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy semantiki. Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 14—17 noyabrya 2000 g. (Sanctuaries: archeology of ritual and issues of semantics. Proceedings of the thematic scientific conference, Saint Petersburg, November 14—17, 2000)*. Saint Petersburg: SPbGU, 67—73 (in Russian).
- Shcheglov, A.N. 2001. In: Marchenko, L.V. (ed.). *Khersones Tavricheskii: u istokov mirovykh religiy (Chersonese Tauride: at the origins of world religions)*. Sevastopol: NZKHT, 52—61 (in Russian).
- Etkind, A. 1998. *Khlyst (Sekty, literatura i revolyutsiya) (Khlyst (Sects, Literature and Revolution))*. Moscow: NLO (in Russian).
- Yaggi, O., Lazenkova, L. 2012. *Atticheskiye krasnofigurnyye vazy IV v. do n.e. iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika (Attic red-figure vases of the 4th century BCE from the collection of the Kerch Historical and Cultural Reserve)*. Kyiv: Mistetstvo (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 143—186. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.89.30.006 (in Russian).
- ABC: Reinach, S. 1892. *Antiquités du Bosphore Cimmérien*. Paris: Didot.
- Alexandrescu, P. 1966. Le symbolisme funéraire dans une tombe de la péninsule de Taman. *StCI* 8, 75—86.
- Burkert, W. 2004. *Babylon, Memphis, Persepolis: Eastern Contexts of Greek Culture*. Cambridge: Harvard University Press.
- Chiekova, D. 2007. Cults of the Greek cities en aristera tou Pontou: Interaction of Greek and Thracian traditions. *Electronic Antiquity*. Iss. 11.1 . November.
- Curtius, L. 1928. Sardanapal. *JdI* 43, 179—202.
- Delavaud-Roux, M.-H. 1995. *Les dances dionysaques en Grèce antique*. Aix en Provence: l'Université de Provence.
- Ehrhardt, N. 1983. *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main; Bern; New-York: P. Lang.
- Gicheva, R. 1997. Sabazios. *LIMC* 8, 1068—1071.
- Gimbutas, M. 1989. *The Language of the Goddess*. New York: Thames and Hudson.
- Hombostel, W. 1980. *Aus Gräbern und Heiligtümern: die Antikensammlung Walter Kropatscheck*. Mainz: von Zabern.

- IOSPE I²: Latyshev, B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: Imperatoeskaya akademiya nauk.
- Knoblauch, P. 1938. Attische Figurenvasen des 4. Jahrh. v. Chr. *AA* 20, 336—357.
- Kraus, Th. 1954. Bemerkungen zum Sessel des Dionysospriesters im Athener Dionysostheater. *JdI* 69, 32—48.
- Langlotz, E. 1932. Dionysos. *Die Antike* 8, 172—183.
- LSJ: Liddell, H.G., Scott, R. (comp). 1996. *A Greek-English Lexicon*. Oxford: University Press.
- Manzewitsch A. 1932. *Ein Grabfund aus Chersonnes*. Leningrad: Akademie für Geschichte der materiellen Kultur.
- Meuli, K. 1935. Scythica. *Hermes* 70, 121—176.
- Nilsson, M.P. 1967. *Geschichte der griechischen Religion*. 3 Aufl. Bd. I. München: Beck.
- Penkova, E. 2003. Orphic Graffito on a Bone Plate from Olbia. *Thracia* 15, 605—619.
- Picard, Ch. 1961. Sabazios, dieu thraco-phrygien, expansion et aspects nouveaux de son culte. *RA* 11, 129—176.
- Popova, R. 2009. The road of Sabazios to the northern coasts of the Black Sea: The Bosporan Kingdom. *Thracia* 18, 165—184.
- Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid — 7th to 3rd century B.C.* Leningrad: Aurora Art Publishers.
- Robinson, D.M. 1941. *Excavations at Olynthos*. Vol. X. Baltimore: The Johns Hopkins Press; London: Humphrey Milford; Oxford: Oxford University Press.
- Rostovtzeff, M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press.
- Schauenburg, K. 1953. Pluton und Dionysos. *JdI* 68, 38—72.
- Schefold, K. 1934. *Untersuchungen zu den Kertscher Vasen*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
- Schefold, K. 1959. *Griechische Kunst als religiöses Phänomen*. Hamburg: Rowohlt.
- Schefold, K. 1960. *Meisterwerke griechischer Kunst*. Basel-Stuttgart: B. Schwabe.
- Valeva, Ju. 1995. The Sveshari Figurines (an Attempt to Specify Several Hypotheses). *Thracia* 11, 337—352.
- Wace, A.J.B. 1929. The Lead Figurines. In: Dawkins, R.M. (ed.). *The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta*. London: Macmillan and Co., 249—284.
- West, M.L. 1982. The Orphics in Olbia. *ZPE* 45, 17—29.
- Wright, G.R.H., 2003. Orpheus with his Head. *Thracia* 15, 179—189.

Рис. 1. Свинцовые вотивы. Ольвия, IV—III вв. до н.э. (по Зайцева 1971: рис. 2: 4—6, 15—16; 6: 1).

Fig. 1. Lead votives. Olbia, 4th — 3rd centuries BCE (after Zaitseva 1971: Fig. 2: 4—6, 15—16, 6: 1).

Рис. 2. Литейная форма. Палекастро (Крит), XVI в. до н.э. (по Nilsson 1967: Taf. 9: 2).

Fig. 2. Casting mold. Palekastro (Crete), 16th century BCE (after Nilsson 1967: Taf. 9: 2).

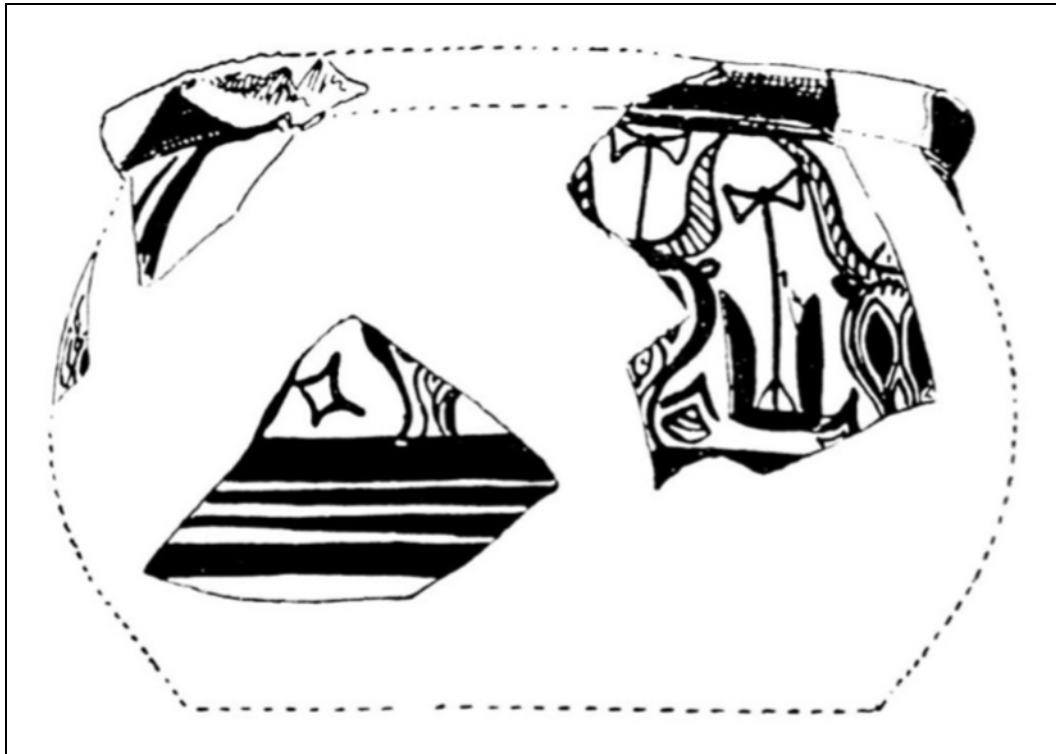

Рис. 3. Фрагмент росписи сосуда (прорисовка). Кипр, XIV в. до н.э. (по Nilsson 1967: Taf. 8,2).

Fig. 3. Fragment of a vase painting (drawing). Cyprus, 14th century BCE (after Nilsson 1967: Taf. 8.2).

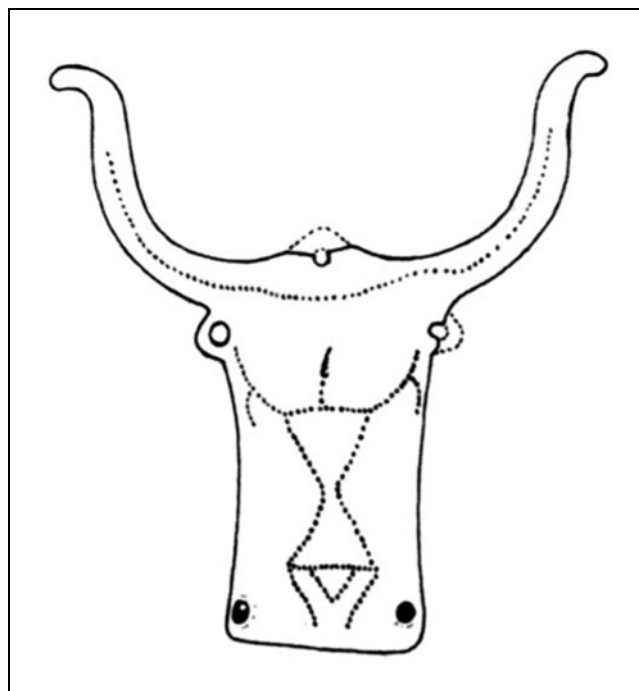

Рис. 4. Костяная пластина (прорисовка). Западная Украина, середина IV тыс. до н.э. (по Gimbutas 1989: Fig. 420).

Fig. 4. Bone plate (drawing). West Ukraine, Middle of 4th Millennium BCE (after Gimbutas 1989: Fig. 420).

Рис. 5. Предметы из коллекции В. Божкова: 1 — серебряный канфар с позолоченными атташами. Фракия, последняя четверть V в. до н.э.; 2 — серебряный позолоченный атташ; 3 — серебряный канфар с позолоченными атташами. Фракия, конец V в. до н.э. (по Фракийское золото 2013: 224, 236, 298).

Fig. 5. Items from the collection of V. Bozhkov: 1 — silver cantharos with gilded attaches. Thrace, last quarter of the 5th century BCE; 2 — silver gilded attaché; 3 — silver cantharos with gilded attaches. Thrace, end of the 5th century BCE (after Frakiyskoye zoloto 2013: 224, 236, 298).

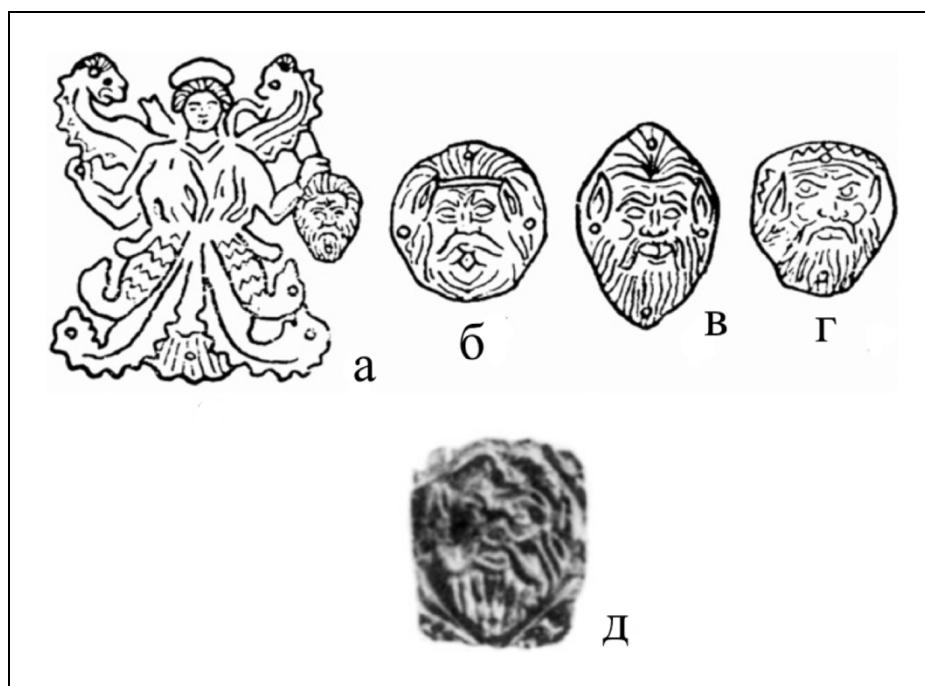

Рис. 6. Золотые бляшки. IV в. до н.э.: а — Куль-Оба; б — Таманский полуостров; в — Большая Близнаца; г — Феодосия (по Шелов 1950: рис. 18: 1—4); д — Херсонес (по Manzewitsch 1932: Taf. 1: 5).

Fig. 6. Gold plaques. 4th century BCE: a — burial mound Kul-Oba; б — Taman Peninsula; в — burial mound Bolshaya Bliznitsa; г — Theodosia (after Shelov 1950: Fig. 18: 1—4); д — Chersonesos (after Manzewitsch 1932: Taf. 1: 5).

Рис. 7. Золотая пластина. Курган у станицы Ивановской, IV в. до н.э. (по Анфимов 1987: 127).

Fig. 7. Gold plate. Burial mound near the Ivanovskaya village, 4th century BCE (after Anfimov 1987: 127).

Рис. 8. Золотая фиала. Куль-Оба, IV в. до н.э. (по Piotrovsky et al. 1986: Fig. 99).

Fig. 8. Gold phiale. Burial mound Kul-Oba, 4th century BCE (after Piotrovsky et al. 1986: Fig. 99).

Рис. 9. Золотая пластина. Карагодеуашх, IV в. до н.э. (по Piotrovsky et al. 1986: Fig. 232).

Fig. 9. Gold plate. Burial mound Karagodeuashkh, 4th century BCE (after Piotrovsky et al. 1986: Fig. 232).

Рис. 10. Серебряные позолоченные уздечные бляхи. Бабина могила, IV в. до н.э. (по Мозолевский, Полин 2005: табл. VII: 1, 3).

Fig. 10. Silver gilded bridle plates. Burial mound Babina mogila, 4th century BCE (after Mozolevsky, Polin 2005: Tab. VII: 1, 3).

Рис. 11. Золотая бляшка. Куль-Оба, IV в. до н.э. (по Уильямс, Огден 1995: № 92).

Fig. 11. Gold plaque. Burial mound Kul-Oba, 4th century BCE (after Williams, Ogden 1995: no. 92).

Рис. 12. Золотая серьга (прорисовка) (по ABC: pl. VII: 11).

Fig. 12. Gold earring (drawing) (after ABC: pl. VII: 11).

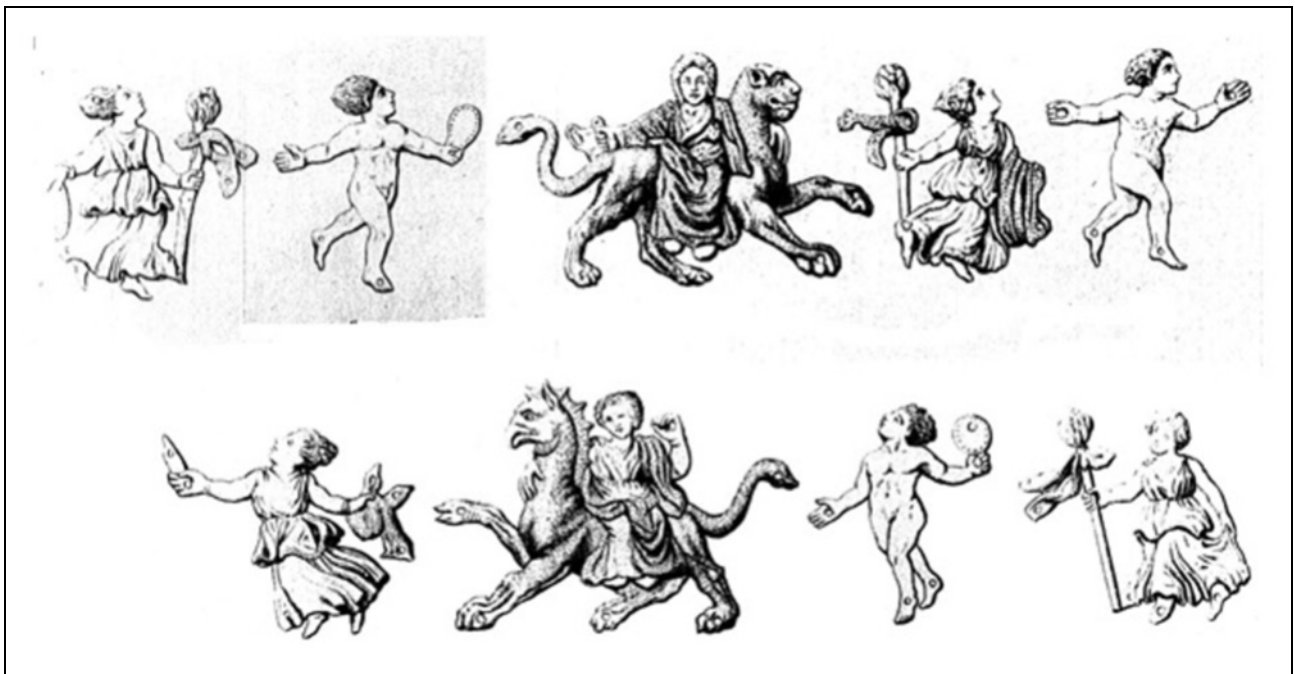

Рис. 13. Золотые украшения калафа (прорисовка). Большая Близница, погребение 4, IV в. до н.э. (по ОАК 1868: табл. I: 1—9).

Fig. 13. Gold ornaments of the kalathos (drawing). Burial mound Bolshaya Bliznitsa, Tomb 4, 4th century BCE (after OAK 1868: Tab. I: 1—9).

Рис. 14. Золотые украшения калафа. Деев курган, IV в. до н.э. (по Ростовцев, Степанов 1917: табл. VII).

Fig. 14. Gold ornaments of the kalathos. Deev burial mound, 4th century BCE (after Rostovtsev, Stepanov 1917: Tab. VII).

Рис. 15. Золотая бляшка (прорисовка). Большая Близница, Погребение 1, IV в. до н.э. (по ОАК 1864: табл. III: 1).

Fig. 15. Gold plaque (drawing). Burial mound Bolshaya Bliznitsa, Tomb 1, 4th century BCE (after OAK 1864: Tab. III: 1).

Рис. 16. Терракота. Детское погребение. Пантикапей, IV в. до н.э. (по Марти 1940: рис. 5: I).

Fig. 16. Terracotta. Burial of a child. Panticapaeum, 4th century BCE (after Marty 1940: fig. 5: I).

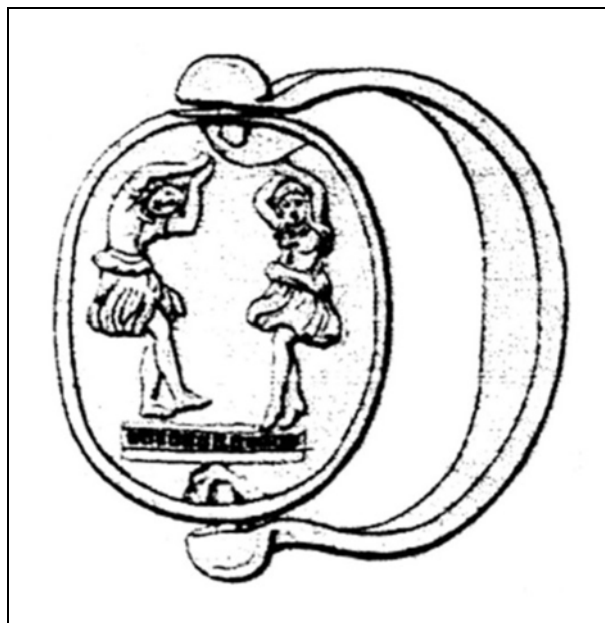

Рис. 17. Золотой перстень (прорисовка). Павловский курган, IV в. до н.э. (по ОАК 1859: табл. III: 4).

Fig. 17. Gold ring (drawing). Pavlovsky burial mound, 4th century BCE (after OAK 1859: Tab. III: 4).

Рис. 18. Краснофигурный арибалл (прорисовка), конец V в. до н.э. (по Curtius 1928: Abb. 1).

Fig. 18. Red-figure aryball (drawing), end of the 5th century BCE (after Curtius 1928: Abb. 1).

Рис. 19. Акротерий (прорисовка). Эрмитаж, III в. до н.э. (по Бессонова 1983: рис. 10, 3).

Fig. 19. Acroterium (drawing). State Hermitage Museum, 3rd century BCE (after Bessonova 1983: Fig. 10, 3).

Рис. 20. Золотая диадема. Куль-Оба, IV в. до н.э. (по Уильямс, Огден 1995: № 85).

Fig. 20. Gold diadem. Burial mound Kul-Oba, 4th century BCE (after Williams, Ogden 1995: no. 85).

Рис. 21. Золотое ожерелье. 1 Мордвиновский курган, IV в. до н.э. (по Шауб 2021б: табл. 105).

Fig. 21. Gold necklace. 1 Mordvinovsky burial mound, 4th century BCE (after Schaub 2021b: Tab. 105).